Викторов

ФАУСТ
и
МЕФИСТОФЕЛЬ

П. П. Викторовъ.

ФАУСТЪ И МЕФИСТОФЕЛЬ

КАКЪ

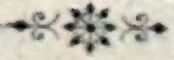
ОСНОВНЫЕ ТИПЫ

ВЪ

ТРАГЕДІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАСТРОЕНІЙ.

2298
8

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собственный домъ.
1901.

VIII M 323

П. П. Викторовъ.

ФАУСТЪ И МЕФИСТОФЕЛЬ

КАКЪ

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ

ВЪ

ТРАГЕДІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАСТРОЕНІЙ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1901.

519/VIII

Дозволено цензурою. Москва, 29 сентября 1901 г.

523786

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Что такое трагедія общественныхъ настроеній? На этотъ вопросъ, который, безъ сомнѣнія, задастъ себѣ читатель, прочтя заглавіе нашего очерка, мы отвѣтимъ подробнѣе въ серіи задуманныхъ нами этюдовъ подъ общей рубрикой: „Трагедія общественныхъ настроеній въ жизни и произведеніяхъ искусства". А пока мы позволимъ себѣ остановить вниманіе интересующихся на сдѣланномъ нами разборѣ первой части „Фауста" Гёте, который, по нашему мнѣнію, является однимъ изъ яркихъ и, въ своемъ родѣ, единственныхъ образцовъ этого рода трагедіи или высшей формы драмы. Здѣсь же мы высказываемъ новый взглядъ на Фауста и Мефистофеля, какъ на основные типы во всемірноисторической драмѣ столкновенія и борьбы, гибели и возрожденія человѣческихъ идеаловъ, — драмѣ, продолжающейся до нашихъ дней, — изъ которой родится и самая трагедія общественныхъ настроеній какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ.

Разборъ второй части „Фауста" появится не ранѣе, чѣмъ намъ удастся подготовить читателя предварительными выпусками названной нами серіи очерковъ, первый изъ которыхъ, посвященный трагедіи общественныхъ настроеній въ жизни и искусствѣ древнихъ, готовится къ печати.

Именно древніе, въ частности Еврипидъ, заложили уже основаніе трагедіи общественныхъ настроеній: „Когда мы подмѣчаемъ въ его трагедіяхъ черты, полныя глубины и грандіозныя по размаху, — говоритъ одинъ изъ историковъ литературы, — когда мы видимъ Анаксагорову философію природы, метафизику Гераклита, скептицизмъ Протагора, выведенныя имъ на сцену, самого Еврипида отступающимъ отъ точности фабулы и даже отъ цѣльности характеровъ,

чтобы остановиться на чисто кабинетныхъ размышленіяхъ, намъ кажется, что мы имѣемъ передъ собою философа, въ родѣ Платона, который желаетъ распространить въ публикѣ текущіе взгляды и противоположныя другъ другу воззрѣнія эпохи подъ прикрытіемъ драматическаго діалога, и не боится, вслѣдствіе этого, передавать непослѣдовательность людскихъ сужденій устами различныхъ дѣйствующихъ лицъ. Изъ пьесъ Еврипида складывается картина всевозможныхъ умозрѣній, разнообразнѣйшихъ обобщеній, добытыхъ путемъ опыта, и мы видимъ передъ собою великій клокочущій хаосъ, въ которомъ борются надежда и отчаяніе, вѣра и сомнѣнія, долгъ, и страсть, нетерпѣніе и покорность, и изъ котораго составляется философія каждаго дѣйствующаго и мыслящаго общества. Мы можемъ представить себѣ Еврипида въ видѣ молчаливаго и одинокаго отшельника, презирающаго свою аудиторію, пишущаго не для современной ему массы, а для будущихъ поколѣній, равнодушнаго къ тому, какъ часто критики будутъ осуждать его за нарушеніе достоинства драмы, а судьи предпочтутъ его пьесамъ трагедіи нестоющихъ его соперниковъ" *).

Таковъ былъ Еврипидъ, равнымъ которому по умственной и философской широтѣ и глубинѣ и по *могуществу образованія* является въ новое время Гёте и *только Гёте*. Поэтому мы напрасно будемъ искать трагедіи общественныхъ настроеній въ *высокомъ и всеобъемлющемъ смыслѣ этого слова* у Шекспира и Корнеля, у Шиллера и Байрона, у Ибсена и Толстого: они далеко не поднимаются до такой высоты и потому касаются ея лишь отчасти...

Будущее этой высшей формы драмы впереди и когда она вновь возродится въ типѣ Гётевскаго „Фауста", она, безъ сомнѣнія, убьетъ теперешнюю мѣщанскую, себялюбивую и пошлую драму...

---

*) Дж. п. *Магаффи*. Исторія классическаго періода греческой литературы. Перев. А. Веселовской, т. I, 1882, 355.

Характеристика философскихъ воззрѣній Еврипида приведена у *Эдуарда Целлера*. Die Philosophie der Griechen. 2 th. 1 Abthel. 4 Auflage. 1889, p.p. 12—18.

> **Мнѣ нечего сказать о солнцѣ и мірахъ, я вижу только, какъ мучаются люди.**
>
> *Мефистофель.*

> **Я желалъ бы видѣть народъ свободный на землѣ свободной.**
>
> *Фаустъ.*

ГЛАВА I.

„Титанъ съ демоническимъ характеромъ, вступившій въ борьбу съ положенными Богомъ предѣлами своей ограниченной природы, въ концѣ концовъ долженъ погибнуть, потому что у него нѣтъ болѣе заступника [1]", такъ гласитъ одна изъ западноевропейскихъ легендъ о докторѣ *Фаустѣ.* Изъ наивнаго и вмѣстѣ учительнаго смысла этой легенды не трудно усмотрѣть, что типъ Фауста, уже при самомъ своемъ зарожденіи, являлся представителемъ какого-то новаго, дотолѣ невѣдомаго среднимъ вѣкамъ явленія, противъ котораго старались предостеречь угрозой неминуемой погибели, потому что у такого не можетъ быть заступника и т. д. Слѣдовательно, уже съ самаго начала въ этомъ типѣ усматривалось не исключительное и частное явленіе, а черты общественнаго, коллективнаго значенія. Вотъ почему мы съ самаго начала можемъ вести и нашу бесѣду о *Фаустѣ,* не какъ объ индивидуальномъ только типѣ, а какъ о типѣ коллективномъ, собирательномъ, общественномъ.

Фаустъ и Мефистофель, вотъ тѣ первоначальные образы протестующаго титана-человѣка и протестующаго демона, вотъ тѣ отдаленные другъ отъ друга, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно сливающіеся между собою полюсы, между кото-

---

[1]) Западная легенда о докторѣ Фаустѣ. *Вѣстн. Европы.* Ноябрь, 1882, p. 270.

рыми впервые возникаетъ освободительное движенiе европейской мысли съ тѣхъ поръ, какъ, во мракѣ средневѣковой ночи, генiй античнаго мiра, сочетался съ возрождающимся самосознанiемъ новаго человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту отдаленную средневѣковую пору, когда христiанство выродилось въ карающую отступниковъ обрядность, когда всякое свѣтское знанiе уже по самому своему стремленiю порвать съ богословiемъ, считалось грѣховнымъ и вмѣстѣ преступнымъ, только соприкосновенiе съ древнимъ мiромъ могло возродить убитую мысль человѣчества и вновь возсоздать культъ свѣтской науки, свѣтскаго искусства, столь безжалостно и столь на долго погребенный роковымъ крушенiемъ античныхъ цивилизацiй. По справедливости этотъ моментъ въ исторiи называется эпохой возрожденiя [1]).

Намъ нѣтъ нужды повторять давно извѣстныя и общепризнанныя мѣста о томъ, въ сколь пышное и сколь плодовитое древо разраслась съ тѣхъ поръ европейская наука. Но мы и до сихъ поръ не можемъ не слѣдить безъ глубокаго и захватывающаго интереса за тѣмъ процессомъ, съ которымъ совершалось это мучительное стремленiе къ знанью, эта борьба нарождающейся науки съ невѣжествомъ, свободной совѣсти съ предразсудками, свободной воли съ косностью общественныхъ формъ. Изученiе внутренней, психической и внѣшней социологической механики этого процесса, тѣмъ болѣе поучительно для насъ, что процессъ этотъ, тотъ же самый по сущности и, можетъ быть, только иной по формѣ, повторяется всякiй разъ, какъ только человѣчество начинаетъ стремиться совершить новый подъемъ духа, новый подъемъ нравственной и общественной культуры.

Вотъ почему съ тѣхъ поръ, какъ этотъ процессъ мучи-

---

[1]) „Въ томъ же самомъ образѣ, въ которомъ хоронила себя древняя философiя, пробуждается впервые, почти послѣ тысячелѣтняго сна, стремленiе къ познанiю мiра и природы, впервые возникаетъ отвращенiе къ безплодной и мертвой схоластикѣ“, справедливо отмѣчаетъ *Куно-Фишеръ* въ его превосходномъ изслѣдованiи: *„Фаустъ“ Гёте. Возникновенье и составъ поэмы. Перев. И. Д. Городецкаго.* **М**. *Изд. Л. Ѳ. Снегирева. 1885* (р. р. 23—24). На нѣмецкомъ языкѣ вышло новое, дополненное изданiе 1887 г.

тельнаго стремленія къ знанію, борьбы науки съ невѣжествомъ, свободной совѣсти съ предразсудками, свободной воли съ косностью общественныхъ формъ, столько разъ повторявшійся въ европейской исторіи, получилъ геніальное истолкованіе въ *Фаустѣ* Гёте, въ своей первоначальной и потому можетъ быть, наиболѣе типичной формѣ, мысль наша невольно обращается къ общественному значенію и самого произведенія великаго писателя. Вотъ почему съ тѣхъ поръ, какъ появился *Фаустъ* Гёте, рѣшительно ни одно нарождающееся и сколько-нибудь интеллигентное поколѣніе не прошло мимо геніальнаго произведенія, уже при самомъ своемъ появленіи ставшаго классическимъ. Вотъ почему даже тѣ поколѣнія, которыя скептически относились къ высокому жизненному значенію вообще литературы, обращались къ *Фаусту* Гёте и если не искали здѣсь спеціально поученія, то навѣрное встрѣчали въ немъ нравственную опору своимъ наилучшимъ человѣческимъ стремленіямъ.

Въ смыслѣ индивидуальнаго характера и настроенія, Фаустъ представляетъ собою типъ глубоко одареннаго человѣка съ страстной жаждой всесторонняго познанія. Такіе люди, разъ начавъ учиться, продолжаютъ учиться затѣмъ уже всю свою жизнь, непремѣнно извѣдаютъ всѣ основныя отрасли человѣческаго знанія, но, извѣдавъ, остаются глубоко неудовлетворенными, отсюда этотъ горькій укоръ самому себѣ, это горькое сознаніе: „Da steh' ich nun, ich armer Thor! und bin so klug, als wie zuvor...“ [1]). Было бы ошибочно, однако, думать, что такой укоръ относится къ личнымъ силамъ, къ недостатку личнаго рвенія. Дѣло въ томъ, что какъ бы ни высоко стояла наука, въ какой бы степени не удовлетворяла она жажды знаній, кругъ ея развитія въ каждый данный моментъ, всегда достаточно условенъ и тѣсенъ. Вотъ почему, вслѣдъ за приведеннымъ самоукоромъ, *Фаустъ* вообще выражаетъ сомнѣнье въ возможности истиннаго знанія: „und sehe, dass wir nichts wissen können...“ [2]).

[1]) „И вотъ стою я, бѣдный глупецъ, нисколько не умнѣе того, чѣмъ былъ прежде....“

[2]) „И вижу, что мы ничего не можемъ знать...“

Однако, разъ ставъ ученымъ, Фаустъ не останавливается передъ подобными сомнѣніями. Напротивъ, и въ самую науку вноситъ онъ присущую ему всесторонность, глубину и творчество, жестоко осмѣивая въ то же время узкихъ спеціалистовъ и фахменеровъ, вродѣ Вагнера, къ которому относятся эти знаменитыя слова: „Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt und froh ist, wenn Regenwürmer findet“ [1]), печальный смыслъ которыхъ, увы! не устратилъ своего значенія и по сегодняшній день. Не лишено глубокаго значенія также и то обстоятельство, что свои поиски за истиной Фаустъ начинаетъ съ изученія природы. Это объясняется не просто только тѣмъ, что въ непознанныхъ еще нами законахъ природы, заключается наибольшее количество тѣхъ великихъ тайнъ, которыя обладаютъ способностью манить и притягивать къ себѣ самые пытливые, самые одаренные и самые выдающіеся умы. Нѣтъ, разгадка стремленія къ изученію природы кроется еще въ томъ, что только черезъ познаніе природы возможно истинное познаніе и всего остальнаго! А вѣдь Фаустъ такъ же страстно стремится познать и это остальное. Его не удовлетворяетъ ни книжная ученость, ни такъ называемая чистая или самой себѣ довлѣющая наука; окруженный колбами, ретортами и анатомическими препаратами, онъ начинаетъ задыхаться въ своей ученой кельѣ съ того момента, когда почувствовалъ, что вся эта арматура, сама по себѣ мертвенная и безцѣльная, далеко еще не разрѣшила его конечнаго стремленія послужить на благо человѣчеству: „Bilde mir nicht ein, ich könnte was lehren, die Menschen zu bessern und zu bekehren“ [2]). Вотъ въ этотъ-то важный, критическій и поворотный моментъ въ умственномъ настроеніи Фауста, предоставленнаго въ жертву собственныхъ сомнѣній, къ его одинокой фигурѣ присоединяется фигура Мефистофеля, тоже одинокая, но за то подающая надежду разрѣшить печальныя сомнѣнія *во имя высшей убѣжденности*.

---

[1]) „Жадною рукою ищетъ сокровищъ, но радъ, если и дождеваго червяка находитъ...“

[2]) „Не представлю себѣ, что могъ-бы изучить, чтобы наставить людей и сдѣлать ихъ лучшими...“

Однако какъ не сходны обѣ индивидуальности! Если мы представимъ, что индивидуальность опредѣляется совокупностью извѣстныхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ чертъ характера (окристаллизованнаго ума, если можно такъ выразится), темперамента и настроенія, то до какой степени отличаются во всемъ этомъ Фаустъ и Мефистофель. Читая первые монологи Фауста, живо чувствуешь какая великая, всеобъемлющая и вмѣстѣ нѣжная отзывчивая душа живетъ въ этомъ человѣкѣ. Не смотря на его выспреннюю, изсушающую ученость, ему нисколько не чуждо ни одно изъ тысячи тѣхъ разнообразныхъ чувствъ, которыми притягивается человѣкъ къ своей житейской юдоли. Напротивъ эти жизнепритягивающія чувства звучатъ и отдаются въ его душѣ, подобно тому какъ звучатъ и отдаются родственные тоны въ резонирующей коробкѣ музыкальнаго инструмента. Такъ рѣшаясь покончить съ собой подъ вліяніемъ общаго и, повидимому, безповоротнаго разочарованія, Фаустъ останавливается только потому, что случайно слышитъ благовѣстъ пасхальныхъ колоколовъ: «Erinnerung halt mich nun, mit kindlichem Gefühle von letztem ernstem Schritt zurück». Дѣтское чувство внезапно нахлынувшихъ воспоминаній удерживаетъ Фауста отъ послѣдняго важнаго шага. Его мятущаяся душа дѣйствительно готова прилѣпиться къ жизни «mit klammernden Organen» по самому малѣйшему поводу. Уже самыя его изліянія, обращаемыя къ природѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ цѣнитъ жизнь, цѣнитъ ея сладостныя блага, хотя и начинаетъ съ отрицанія ихъ. Вотъ въ какой степени характеръ, темпераментъ и настроенія Фауста экспансивны, рвутся наружу! слѣдовательно вотъ въ какой степени индивидуальность или личность Фауста нуждается въ общеніи со всѣмъ окружающимъ. Совсѣмъ иною является передъ нами индивидуальность Мефистофеля. Сильный по характеру, сдержанный по темпераменту и настроенію, вслѣдствіе чего обреченный на вящщее одиночество передъ людьми и передъ природой, Мефистофель вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы лишенъ вкуса къ личнымъ благамъ жизни и въ то время, какъ, благодаря этой привязанности къ личнымъ

благамъ. Фаустъ увлекается поэзіей и драмой личной жизни, для Мефистофеля личной жизни не существуетъ вовсе. Напротивъ онъ весь поглощенъ участіемъ къ судьбѣ Фауста, котораго ведетъ къ какой-то общей, пока еще закрытой, но несомнѣнно благожелательной цѣли (я, рекомендуетъ себя Мефистофель Фаусту, часть той силы, которая, *замышляя зло, въ дѣйствительности всегда творитъ добро*).

Какая же это общая, но закрытая цѣль, преслѣдованіе которой въ дѣлѣ Фауста беретъ на себя Мефистофель? Чтобы понять какая это общая цѣль, мы должны прослѣдить теперь, какое общее настроеніе могло соединить эти столь рѣзко не сходныя индивидуальности. Въ самомъ дѣлѣ, если двухъ несходныхъ людей соединяетъ общее имъ настроеніе, то, слѣдовательно, они внутренно преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, хотя-бы одинъ изъ двухъ (въ нашемъ случаѣ Фаустъ) и не сознавалъ пока этого.

Бываютъ печальныя эпохи, когда передовое человѣчество, будучи подавлено полнымъ крушеніемъ своихъ завѣтныхъ идеаловъ, какъ-бы навсегда отказывается отъ вѣры уже и въ самую возможность ихъ осуществленія. Положеніе мыслящихъ людей въ подобныя эпохи исполнено глубокаго трагизма. Нерѣдко они не только утрачиваютъ вѣру въ возможность благожелательной метаморфозы внѣшнихъ грубыхъ препятствій, мѣшающихъ осуществленію ихъ идеаловъ, малопо-малу они начинаютъ утрачивать вѣру и въ самую истинность послѣднихъ „O glücklich, wer noch hoffen kann, aus diesem Meer des Irrthums aufzutauchen!“ восклицаетъ Фаустъ. И дѣйствительно море человѣческихъ заблужденій велико, а возможность добиваться истины крайне ограничена. Къ этому присоединяется не точное знаніе самыхъ средствъ борьбы и невозможность употребить такія, знаніе которыхъ достовѣрно: „Was man nicht weiss, dass eben braucht man und was man weiss kann man nicht brauchen“. Очевидно разъ попавъ въ подобное трагическое положенье, люди, какъ Фаустъ, или должны выключить себя изъ круга жизни физически, покончивъ самоубійствомъ, или выключить себя изъ круга жизни нравственно, окончательно зарывшись въ науку безъ всякаго

отношенія къ общественности, или поискать еще какого-нибудь третьяго выхода. Сомоубійство Фаусту не удалось окончательно же погрузиться въ науку онъ не могъ не только потому, что и прежде не нашелъ въ ней полнаго удовлетворенія, а прямо уже въ силу самой двойственности своей натуры. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны Фауста манитъ жажда знанья, желанье занять мѣсто въ ряду высокихъ родичей, съ другой онъ слишкомъ прикованъ къ чувственнымъ влеченіямъ низменной плоти: „Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust, die eine will sich von der andern trennen: die eine halt, in derber Liebeslust, sich an die Welt mit klammernden Organen; die andre hebt gewaltsam sich vom Dust zu den Gefelden hoher Ahnen“ [1]. И вотъ Мефистофель, пользуясь привязанностью Фауста къ чувственнымъ сторонамъ жизни, находитъ для него третій выходъ. Этотъ выходъ будетъ заключаться пока—замѣтьте *пока*—въ исторіи личныхъ приключеній доктора Фауста, столь хорошо извѣстной и столько разъ опоэтизированной на разныхъ языкахъ разныхъ родовъ изящнаго искусства, общественный смыслъ которой, однако и до сихъ поръ, остается плохо понятымъ. Но прежде нежели остановиться на этой сторонѣ нашей темы, намъ необходимо подробнѣе характеризовать индивидуальность Мефистофеля, и на этотъ разъ не столько въ отношеніи личныхъ, сколько въ отношеніи ея общественныхъ чертъ.

Подобно Фаусту и онъ не вѣритъ въ отвлеченную науку, какъ средство способное само по себѣ водворить благосостояніе человѣка на землѣ, безъ жгучаго участья къ тѣмъ его страданіямъ, которыя не терпятъ отвлеченныхъ отлагательствъ и требуютъ настойчиваго вмѣшательства теперь, сейчасъ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно категорически заявляетъ: „Von Sonn' und Welten weis ich nichts zu sagen, ich sehe nur wie sich die Menschen plagen“ (прологъ). Мефистофелю нечего сказать о выспренныхъ сферахъ, потому

---

[1] „Ахъ! двѣ души живутъ въ моей груди, стремясь разъединиться: одна, въ настойчивомъ желаніи любви, цѣпкими органами держится за міръ; другая насильно рвется изъ мрака къ высокимъ предкамъ“.

что онъ исключительно занятъ человѣческими страданіями: „Ich kann nicht hohe Worten machen"... вообще заявляетъ онъ о себѣ.

Заговоривъ о Мефистофелѣ въ этомъ смыслѣ, я невольно чувствую, что беру подъ свою защиту одну изъ тѣхъ фигуръ, самое упоминаніе о которой у многихъ вызываетъ совершенно противоположныя представленія. Въ самомъ дѣлѣ, не забудемъ, что обычныя, ходячія мнѣнія о Мефистофелѣ не отвѣчаютъ нашему представленію о немъ, какъ о силѣ благожелательной, а не злой. Еще въ ближайшее къ появленію *Фауста* время, на Мефистофеля смотрѣли какъ на отрицателя par excellence. Такъ одинъ изъ комментаторовъ великаго произведенія, Морицъ Карръеръ, въ предисловіи къ Лейпцигскому изданію *Фауста* 1869 г., [1]) смотритъ на Мефистофеля, какъ на отрицателя, для котораго уничтоженіе составляетъ не средство, а цѣль. Мало того, онъ видитъ въ немъ какъ-бы олицетвореніе стихійныхъ элементовъ отрицанія. Интересна и самая форма подобной характеристики, отъ которой крѣпко отдаетъ гегеліанской метафизикой добраго стараго времени „конечно, разсуждаетъ онъ, всякая вещь (etwas) становится возможной или дѣйствительной только въ силу отрицанія того другого, на чье мѣсто она становится, исключая это другое; но подобнаго рода отрицаніе (das Negative) не составляетъ ни первой, ни послѣдней цѣли (ist weder das Erste, noch das Letzte), оно можетъ служить лишь необходимымъ средствомъ. Напротивъ Мефистофель ничто (das Nichts) стремиться поставить въ основу бытія, ночь въ основу (Mutter) свѣта, подобно тѣмъ ложнымъ заключеніямъ, которыя допускаютъ возможность происхожденія высшаго изъ низшаго, сознательнаго и видящаго (das Sehende) изъ слѣпыхъ безсознательныхъ силъ" [2]). Къ сожалѣнію поводъ къ подобнымъ метафизическимъ толкованіямъ подалъ самъ Гёте. Такъ и у самого Гёте Мефистофель говоритъ о себѣ, въ качествѣ предисловія въ своимъ поступкамъ: „Я часть той части,

[1]) Bibliotek der deutschen National-Literatur. Goethe. Faust. Mit Einleitung und Erläuterungen herausgegeb. v. Moriz Carrière. 1869. Leipzig.

[2]) Ibid., p. p. 186—187.

которая была вначалѣ всѣмъ, часть мрака, породившаго свѣтъ, тотъ гордый свѣтъ, который оспариваетъ теперь у своей матери ночи древнее первенство (den alten Rang), пространство". Очевидно стремленіе опредѣлить *сущность* Мефистофеля и самого Гёте завело въ метафизику. Правда, во всѣхъ подобныхъ опредѣленіяхъ проглядываетъ естественное стремленіе свести борьбу противорѣчивыхъ свойствъ человѣческаго духа и его отрицательную дѣятельность къ антогонизму самыхъ силъ природы. Но въ томъ-то и заключается ихъ метафизичность, что здѣсь не приняты во вниманіе субъективные мотивы, которые всегда замѣшаны въ первомъ случаѣ и о которыхъ не можетъ быть даже рѣчи во второмъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не доказываетъ, чтобы отрицательная дѣятельность сознательно мыслящаго существа была тождественна въ своей реальной основѣ съ отрицательной дѣятельностью безсознательныхъ силъ природы. Дѣйствіе часовой гири отрицательно относится къ стремленію маятника прійти въ устойчивое равновѣсіе, дѣйствіе земнаго магнетизма отрицательно вліяетъ на всякую попытку вывести стрѣлку магнита изъ ея естественнаго равновѣсія, дѣйствіе земнаго притяженія отрицательно вліяетъ на полетъ камня и т. п. Все это безъ сомнѣнія отрицательныя дѣятельности, но всѣ онѣ, сколько-бы ихъ мы не приводили, очевидно *лишены субъективнаго мотива*. Напротивъ, всѣ *сознательныя дѣятельности* человѣка, за исключеніемъ извѣстнаго круга безсознательныхъ, а потому чисто рефлекторныхъ и автоматическихъ дѣятельностей самого организма, не иначе происходятъ какъ *на основаніи субъективныхъ мотивовъ*... [1]).

Однако мы видѣли, и теперь особенно настоимъ на этомъ, что по одной, упомянутой выше редакціи, Гетевскаго опредѣленія, Мефистофель есть, напротивъ, часть той силы, которая замышляя зло, всегда творитъ добро. Слѣдовательно и Мефистофель въ существѣ своей отрицательной дѣятельности руководствуется сознательнымъ мотивомъ, да еще нап-

[1]) Само собою разумѣется, мы говоримъ о *нормальномъ* человѣкѣ, дѣятельность же душевно ненормальнаго нерѣдко только *кажется* сознательной, на самомъ же дѣлѣ вполнѣ рефлекторна и автоматична...

высшаго порядка. Но вотъ эта другая редакція и Мефистофель является частью той части, которая была вначалѣ всѣмъ, частью мрака, породившаго свѣтъ, тотъ гордый свѣтъ, который и проч., съ чѣмъ только что познакомились. Словомъ, по смыслу этого послѣдняго опредѣленія, Мефистофель дѣйствительно изумительный сынъ хаоса (des Chaos wunderlicher Sohn), во истину стихійный элементъ, воюющій съ міромъ не силой превосходящаго сознанія, а уже чисто демонически, посредствомъ самыхъ стихій (mit Wellen, Stürmen, Schütteln, Brand). И какъ приличествуетъ сыну хаоса онъ можетъ даже похвастать этимъ разрушеніемъ для разрушенія, что онъ и дѣлаетъ въ самой же первой сценѣ своего резговора съ Фаустомъ (wie viele hab' ich schon begraben!) Очевидно Гетевскія опредѣленія Мефистофеля самымъ поразительнымъ образомъ вступаютъ въ противорѣчивое столкновеніе между собой и источникъ этого противорѣчія безъ сомнѣнія заключается въ томъ, что нельзя, какъ объяснено выше, опредѣлить дѣятельность человѣка стихійно, не принимая во вниманіе мотивовъ этой дѣятельности.

Самое противорѣчіе, въ которое впадаетъ Гете, по отношенію къ Мефистофелю, проистекаетъ изъ того факта, что Гете, повидимому, и самъ сознавалъ всѣ неудобства относитъ отрицательную дѣятельность Мефистофеля всецѣло за счетъ слѣпо и безцѣльно разрушающей стихіи, и уже окончивъ поэму, снабжаетъ впослѣдствіи своего *Фауста* прологомъ (Prolog im Himmel), по смыслу котораго разрушительная дѣятельность Мефистофеля подчинена благимъ предначертаніямъ высшей воли провидѣнія. Отсюда и эти слова въ устахъ Мефистофеля, на которыхъ мы уже останавливались и которыми онъ впослѣдствіи рекомендуетъ себя при встрѣчѣ съ Фаустомъ: „я часть той силы, которая всегда замышляя зло, въ дѣйствительности созидаетъ добро". Правда, и такое истолкованіе Мефистофеля, не можетъ удовлетворить насъ, потому что значеніе и роль подобнаго типа объясняется гораздо проще, тѣмъ не менѣе оно уже въ томъ отношеніи ближе къ правдѣ, что здѣсь приняты во вниманіе мотивы самой дѣятельности, хотя и направляемой иною, высшей волей.

Такъ или иначе, но уже изъ опредѣленій самого Гете мы получаемъ ключъ къ истинному уразумѣнію Мефистофеля, ибо на *повѣрку и Мефистофель оказывается не злой, а благожелательной силой.* Истинная почва, изъ которой выростаютъ типы, подобные Мефистофелю, такимъ образомъ не стихійный хаосъ, не безсмысленно разрушительная борьба стихійныхъ силъ, а вѣрнѣе и проще тѣ переходныя историческія эпохи, когда самые возвышенные, самые благородные и безкорыстные идеалы человѣчества терпятъ неумолимое, почти фатальное крушеніе. Такія эпохи одинаково порождаютъ Фаустовъ и Мефистофелей, но съ громадной, однако, разницей въ результатѣ, благодаря громадной разницѣ самыхъ индивидуальностей. Мы уже отчасти видѣли, что разочаровало Фауста: невозможность представить себѣ такое знаніе, такое средство, которымъ можно было-бы улучшить и исправить людей. Мы можемъ прибавить теперь къ этому еще нѣсколько дополнительныхъ и не менѣе существенныхъ чертъ. Мало знать истину, нужно еще сдѣлать ее достояніемъ массы, съумѣть привить ее въ жизнь. А между тѣмъ, что показываетъ исторія?

„Wer darf das Kind beim rechten Namen nennen?
Die wenigen, die was davon erkannt,
Die thöricht gnug ihr volles Herz nicht wahrten
Dem Pöbel ihr Gefühl, ihr Schauen offenbarten,
Hat man von je gekreuzigt und verbannt“ [1]).

Такимъ образомъ мы не ошибемся, если скажемъ, что корень разочарованія Фауста кроется въ горькомъ сознаніи полной безплодности для человѣчества его историческаго прошлаго и въ мрачномъ предчувствіи неисправимости его будущаго. Безъ сомнѣнія, къ тѣмъ же заключеніямъ уже давно пришелъ въ свою очередь Мефистофель и вотъ этотъ-то пессимизмъ по отношенію къ общественной судьбѣ человѣка и есть то общее имъ пока настроеніе, которое соединяетъ ихъ съ самаго перваго момента.

[1] „Кто можетъ назвать ребенка настоящимъ именемъ? Тѣхъ немногихъ, кто кое-что знавали, но безумно не берегли своего переполненнаго сердца, открывая толпѣ свои чувства и взгляды, искони казнили и ссылали“.

Но можеть-ли общность одного настроенія служить достаточнымъ основаніемъ для союза столь несходныхъ индивидуальностей? Безъ сомнѣнія можетъ и въ этомъ случаѣ, когда сходное настроеніе соединяетъ несходныя индивидуальности еще больше, нежели въ томъ, когда сходное настроеніе соединяло бы сходныя же индивидуальности. Въ самомъ дѣлѣ, мы назвали пессимизмомъ настроеніе, соединяющее Фауста и Мефистофеля. Однако благодаря разницѣ индивидуальностей, какая разница въ самой тональности, если можно такъ выразиться, этого пессимизма у того и другого! Пессимизмъ Фауста прежде всего созерцательный, пассивный, въ крайнемъ случаѣ ведущій только къ самозащитѣ и то въ скудной и печальной формѣ самоубійства! Напротивъ пессимизмъ Мефистофеля активный, наступательный, аггрессивный. Очевидно, чтобы не пропасть задаромъ въ общественномъ смыслѣ, Фаусту, какъ разъ не достаетъ того, чѣмъ такъ богатъ Мефистофель. Но если Мефистофель нуженъ Фаусту, то зачѣмъ Фаустъ нуженъ Мефистофелю?

Ближайшей цѣлью, съ которой Мефистофели выступаютъ передъ Фаустами каждой данной эпохи, безъ сомнѣнія, служитъ прежде всего желаніе вывести этихъ пассивныхъ философовъ вообще какъ-нибудь изъ круга ихъ безплодныхъ терзаній, вызвать ихъ къ жизни и дѣятельности (Zu Lust und Thaten).

Это тѣмъ болѣе, что всякому очевидно, какія богатыя силы таятся въ Фаустахъ, и не находятъ плодотворнаго выхода, благодаря лишь пассивному состоянію ихъ пессимизма. Но какимъ путемъ лучше всего можетъ достигнуть своей цѣли Мефистофель? Фаусту уже давно претитъ наука „Mir ekelt lange vor allem Wissen!“, заявляетъ онъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ начинаютъ просыпаться еще отъ юности замуравленныя и на днѣ души запрятанныя страсти и чувственныя влеченья. До сихъ поръ и Фаустъ не жилъ личной жизнью, теперь онъ хочетъ личной жизни. Онъ то волнуется и плачетъ, съ ужасомъ ожидая завтрашняго дня, который, по прежнему, не выполнитъ ни одного изъ его желаній, то клянетъ ихъ, видя въ нихъ худшее изъ всѣхъ видовъ рабства (so fluch ich allem, was die

Seelle и проч.). Наконецъ чаша терпѣнья полна съ краями и Фаустъ клянетъ самое терпѣнье, позволяющее ему сносить еще свое жалкое существованіе! Вотъ тутъ-то и необходимъ Фаусту Мефистофель. Едва ли не самъ Фаустъ идетъ къ нему навстрѣчу съ этими многознаменательными словами: „Schlägst du erst diese Welt zu Trümmern, die andre mag darnach entstehen". Но для того, чтобы на развалинахъ стараго міра возникъ новый, и высшій, Фаусту предстоитъ пройти еще одну фазу душевныхъ испытаній. Онъ долженъ узнать жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ познать цѣну пошлой дѣйствительности, во очію убѣдиться въ печальной горечи тѣхъ наслажденій, которыми онъ не насытился съ молоду и которыхъ такъ страстно жаждетъ теперь его душа. Мефистофель преподноситъ ему эту чашу и заранѣе предвидитъ отрезвляющее дѣйствіе тѣхъ новыхъ разочарованій, которыя ожидаютъ Фауста въ концѣ его погони за чувственными наслажденіями. Въ этомъ отношеніи Мефистофель какъ нельзя лучше понимаетъ предстоящую ему часть задачи:

„Den schlepp' ich durch das wilde Leben,
Durch flache Unbedeutenheit.
Er soll mir zappeln, starren, kleben
Und seiner Unersättlichkeit
Soll Speis' und Trank vor gier'gen Lippen schweben;
Er wird Erquickung sich umsonst erflehn..."

Да, Фаустъ долженъ пройти черезъ это плоское поле ничтожной и грубой дѣйствительности, гдѣ ему не разъ придется падать и цѣпляться, цѣпенѣть отъ изумленья и все таки не отставать;—видѣть спускающуюся чашу наслажденій, жадно пить изъ нея и все-таки не насыщаться!

Правда, мы могли бы теперь забѣжать нѣсколько впередъ и остановиться на свѣтломъ моментѣ въ этой плоской незначительности личныхъ приключеній доктора Фауста. Я разумѣю Маргариту. Вся жизнь прошла въ лабораторіяхъ.

*) „Я повлеку его черезъ дичь и плоскую незначительность жизни, онъ будетъ у меня биться, цѣпляться, цѣпенѣть отъ изумленья, передъ его жадными губами, въ его ненасытности, будетъ носиться пища и питье: тщетно онъ будетъ искать утоленія".

подъ этими мрачными сводами, среди разложенья, смрада, постояннаго вида мертвой природы; вся жизнь прошла за грудами этихъ книгъ и фоліантовъ, которымъ нѣтъ и не будетъ конца, которыя, подъ часъ съ досадной, но все-таки неотразимой силой, разжигаютъ любознательность, манятъ и увлекаютъ; вся жизнь прошла въ неугасимой жаждѣ знанья, которая горячимъ чувствомъ разливается въ груди и будитъ и толкаетъ эту мысль, это сердце, эту грудь все впередъ и впередъ; вся жизнъ прошла, правда, въ идеальной пока заботѣ о служеніи человѣку и человѣчеству, въ той заботѣ, которая такъ легко переходитъ въ меланхолическое разочарованіе, пессимистическую грусть, и міровую скорбь! А тутъ почти незамѣтно стучится старость, напоминая о положенныхъ Богомъ предѣлахъ ограниченной человѣческой природы, выражаясь высокимъ слогомъ легенды... Но дѣйствительно-ли прошла жизнь? Такой высоко-одаренный духъ, какъ Фаустъ, такъ скоро не увядаетъ, хотя бы и старилась тѣлесная оболочка! Понятно. слѣдовательно, съ какимъ энтузіазмомъ, при проснувшейся жаждѣ жизни, встрѣтитъ Фаустъ Маргариту, это вдохновенное откровеніе столь запоздавшей юности.

Намъ нѣтъ нужды искать словъ, чтобы запечатлѣть чудный образъ Маргариты. Уступимъ мѣсто въ данномъ случаѣ такому мастеру психологическаго анализа и литературныхъ характеристикъ, какъ Брандесъ. По описанію послѣдняго, Гретхенъ—это ребенокъ. Она воспламеняется только отъ одного чувства; ея существо вовсе не сложное, оно совершенно просто, гладко, наивно. Она любитъ въ первый разъ и только этотъ одинъ разъ. Она отдается безъ брака тому, кого любитъ. отдается съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякаго сопротивленья, даже безъ малѣйшаго желанья сопротивляться,—изъ глубокой женской привязанности. Она не понимаетъ. что дѣлаетъ нѣчто нехорошее, она объ этомъ и не думаетъ. Все ея существо—воля и мысль вырывается изъ ея рукъ, она сама не знаетъ какъ. Ея сердце, мягкое, какъ воскъ. воспринимаетъ впечатлѣнья и затѣмъ сохраняетъ ихъ такъ. какъ будто они вычеканены изъ золота. Ничто не можетъ сравняться съ невинностью, чистотою и честностью ея

чувствъ. Она вѣрна по инстинкту, потому что не понимаетъ, что можно быть иной. У нея нѣтъ никакой нравственности, но она обладаетъ всѣми добродѣтелями, потому что можно быть нравственнымъ только при помощи сознанья, а добрымъ можно быть отъ природы. Она не считаетъ себя равной съ тѣмъ, кого любитъ. На него она смотритъ какъ на нѣчто высшее, какъ будто обратилось въ дѣйствительность древнее сказаніе о томъ, что сыны боговъ снизошли до человѣческихъ дочерей. Припомните, какъ удивлена и смущена Гретхенъ глубокими познаніями Фауста. Она совершенно теряется передъ возлюбленнымъ, вмѣстѣ съ нимъ возвышается и въ немъ исчезаетъ. Это не два равныя другъ другу существа, которыя даютъ другъ другу руку, а пораженный смущеніемъ и удивленіемъ ребенокъ, прилѣпляющійся къ мущинѣ. Для нея это вся жизнь, а въ его жизни это только одинъ эпизодъ. Его взоръ проникаетъ и охватываетъ все ея существо, а она не въ силахъ обнять его своимъ взоромъ и еще менѣе въ силахъ проникнуть въ него и понять его. Она не способна видѣть ни границъ его власти, ни его недостатковъ. Куда она ни посмотритъ, онъ представляется ей чѣмъ-то колоссальнымъ, гигантскимъ, обнимающимъ ее со всѣхъ сторонъ. Онъ—это вообще нѣчто великое и превосходное, какъ Фаустъ, который умѣетъ говорить обо всемъ и давать отвѣты на всякіе вопросы... Такого рода дѣвушки принадлежатъ къ той же большой семьѣ, къ которой принадлежатъ Офелія и Дездемона [1]).

А Фаустъ, чѣмъ онъ увлеченъ въ Маргаритѣ? Увы! какъ не поразила его въ первый моментъ юная красота, невинность, добродѣтель Маргариты, все же въ немъ прежде всего просыпается чувственность (Hör', du musst mir die Dirne schaffen! приказываетъ онъ Мефистофелю). Замѣчательно, что, *начиная съ этого момента, человѣчность исходитъ не отъ Фауста, а отъ Мефистофеля*. Послѣдній даетъ чувствительный отпоръ чисто животной поспѣшности разгоряченнаго

[1]) *Брандесъ*. Главныя теченія литературы XIX-го столѣтія. Пер. В. Невѣдомскаго. М. 1881, p.p. 58—59.

философа, начинаетъ ему противорѣчить (Was hilft's, nur gerade zu geniessen?). И вотъ какъ бы подъ вліяніемъ этого внутренняго толчка, въ Фаустѣ просыпаются уже чистыя и благородныя эмоціи, какъ только онъ переступаетъ порогъ Маргариты, изливающіяся, вы помните, въ этомъ чудномъ монологѣ:

„Willkommen, süsser Dämmerschein,
Der du dies Heiligthum durchwebst!,
Ergreif mein Herz, du süsse Liebespein,
Die du vom Thau der Hoffnung sel machtend lebst“ [1]) и проч.

Правда, уже одинъ видъ патріархальной, невинной обстановки способенъ вызвать самъ по себѣ подобныя чувства. Такъ или иначе, но значеніе и сила этихъ чувствъ заставляетъ Фауста устыдиться самого себя:

Und du! Was hat dich hergeführt?
Wie innig fühl' ich mich gerührt!
Was willst du hier? Was wird das Herz dir schwer?
Armsel'ger Faust! ich kenne dich nicht mehr [2]).

и далѣе, на слова Мефистофеля, что могутъ застать, нужно торопиться: „Fort, fort! Ich kehre nimmermehr“. Слѣдовательно, здѣсь въ исторіи съ Маргаритой виновата не злая и безжалостная натура Мефистофеля, готоваго губить все, что ему ни попадется невиннаго и чистаго, а *низменная часть* влеченій самого Фауста.

Впрочемъ, какъ ни тяжело и ни печально должны отзываться на нашемъ гуманномъ чувствѣ подобныя исторіи, которыя въ концѣ концовъ ни чѣмъ не могутъ быть оправданы, въ нихъ все-таки заключается, при извѣстныхъ условіяхъ, *искупляющая сила*. Но только *при извѣстныхъ условіяхъ*. Припомнимъ, чего желалъ Фаустъ въ самомъ началѣ своего знакомства съ Мефистофелемъ? Не одной вѣдь чувственности.

---

[1]) Привѣтъ тебѣ, пріятный, сумракъ, проникающій эту святыню! Охвати мое сердце сладкая мука любви, томящейся росою надежды! etc.

[2]) А ты! что привело тебя сюда? Какъ глубоко это меня потрясаетъ! Чего тебѣ здѣсь нужно? Отчего такъ тяжело у тебя на сердцѣ? Жалкій Фаустъ! я не узнаю тебя болѣе.

Богъ, который живетъ въ груди Фауста, глубоко возбуждаетъ его душу, но ничего не въ состояніи превратить въ дѣйствительность, подвинуть наружу (er kann nach ausen nicht bewegen), поэтому Фаусту тягостно бытіе, желательна смерть и ненавистна жизнь. Правда, онъ вообще желаетъ утолить свою пылающую душу въ глубинахъ чувственности, но только понимаемой не исключительно въ плоскомъ и плотскомъ смыслѣ, а въ значеніи дѣйствительной жизни, переживаемой не умомъ, не отвлеченно, не идеально только, а ощущеніемъ, чувствами, физически, реально. Такая жизнь предполагаетъ не одни удовольствія, а также и страданія: „гдѣ наслажденіе и боль, удача и досада могутъ чередоваться другъ съ другомъ, какъ имъ угодно, *лишь бы безъ отдыха былъ занятъ человѣкъ*". Объ однѣхъ только радостяхъ не можетъ быть здѣсь рѣчи (von Freud' ist nicht die Rede). Вмѣстѣ съ тѣмъ Фаустъ какъ-бы желаетъ слиться съ реальной жизнью окружающаго, съ его противорѣчивыми радостями и горестями:

„Dem Taumel weih' ich mich, dem schmerzlichsten Genuss,
Verliebtem Hass, erquickendem Verdruss.
Mein Busen, der vom Wissendrang geheilt ist,
Soll keinen Schmerzen künftig sich verschliessen,
Und was der ganzen Menschheit zugetheilt ist,
Will ich in meinem Innern selbst geniessen
Mit meinem Geist das Höchst, und Tiefste greifen,
Ihr Wohl und Weh auf meinem Busen häufen
Und so mein eigen Selbst zu ihrem Selbst erweitern
Und, wie sie selbst, am End auch ich zerscheitern" [1]).

Вотъ какая широкая программа жизни занимаетъ Фауста съ тѣхъ поръ какъ онъ почувствовалъ себя исцѣлившимся отъ книжной учености, отъ книжнаго знанія. Само собой разумѣется, что въ такой программѣ должно быть отведено

[1]) „Я отдаюсь превратностямъ страданія въ наслажденіи, ненависти въ любви, освѣжающей печали. Моя грудь, исцѣлившаяся отъ стремленія къ учености, не должна замыкаться отнынѣ ни передъ какимъ страданіемъ, я хочу, чтобъ то, что суждено всему человѣчеству, было также и моимъ достояніемъ, я хочу все глубокое и высшее охватить моимъ духомъ, соединить въ моей груди добро и зло, и такимъ образомъ расшириться собственнымъ я до всего человѣчества и вмѣстѣ съ нимъ, въ концѣ концовъ, разбиться!"

широкое мѣсто личной жизни, личнымъ переживаніемъ. А извѣстно, что не только въ личномъ, но и въ общественномъ чувствѣ человѣка любовь занимаетъ центральное мѣсто.

И вотъ, благодаря центральному положенію этого чувства въ жизни каждаго, Фаустъ не только любитъ, но и возносится, становится выше подъ вліяніемъ своей любви. Онъ благодаритъ высокую судьбу, за то, что теперь она дала ему все, чего онъ отъ нея просилъ. Онъ сталъ ближе къ природѣ, естественнѣй, человѣчнѣй. Онъ получилъ силу чувствовать природу, наслаждаться ею, научился узнавать братьевъ въ рядахъ насѣляющихъ ее живыхъ существъ; передъ нимъ открываются ея глубокія тайны. Слѣдовательно, чѣмъ-бы ни окончились его личныя отношенія къ Маргаритѣ, любовь къ ней сама по себѣ возноситъ, очищаетъ и какъ-бы приготовляетъ его къ дальнѣйшему воспріятію всего человѣческаго, къ дальнѣйшей отзывчивости на все человѣческое. Понятно такимъ образомъ, въ чемъ должна заключаться и заключается искупляющая сила, *при данныхъ условіяхъ*, даже такой печальной исторіи, какъ конецъ личныхъ отношеній Фауста къ Маргаритѣ.

Интересно прослѣдить, какъ вообще выполнитъ Фаустъ свою широкую, жизненную программу. Но прежде нежели коснуться этого вопроса, мы должны подробнѣе прослѣдить ту дѣятельную роль, которую играетъ Мефистофель въ *подготовительномъ періодѣ* этой программы. Мы уже видѣли, что Мефистофель задается цѣлью провести Фауста черезъ плоскую незначительность житейскихъ испытаній, но онъ не сразу подходитъ къ этому. Съ перваго же знакомства съ Фаустомъ, онъ начинаетъ философствовать, вести дѣло издалека, на вопросъ объ имени, онъ иронически изумляется, зачѣмъ Фаусту нужно его имя, полагая, что вопросъ объ имени слишкомъ ничтоженъ для того, кто презирая слова и внѣшность, смотритъ лишь въ суть вещей. На замѣчаніе Фауста, что у подобныхъ господъ, какъ онъ, и сущность можно прочитать изъ имени, Мефистофель опять отвѣчаетъ окольными путями, называетъ себя „частью той силы, которая всегда хочетъ зла, но дѣлаетъ добро“, духомъ, который *всегда отри-*

цаетъ. „И по праву, прибавляетъ онъ, ибо все, что возникаетъ, гибнетъ, и потому было бы лучше, если бы ничто не возникало“. Словомъ все, что является въ глазахъ людей грѣхомъ, разрушеніемъ, зломъ, составляетъ настоящій элементъ Мефистофеля. На фигуральное замѣчаніе Фауста, что онъ называетъ себя частью, а между тѣмъ цѣликомъ стоитъ передъ нимъ, Мефистофель опять иронически отвѣчаетъ, что вотъ вѣдь человѣкъ называетъ же свой глупый мірокъ цѣлымъ, между тѣмъ какъ этотъ мірокъ лишь малая частица, слѣдовательно, назвавъ себя частью, онъ высказалъ о себѣ лишь скромную истину. Далѣе онъ самъ старается свести отрицательный элементъ своей натуры къ стихійному происхожденію въ монологѣ, съ которымъ мы уже знакомы. „Я часть той части, которая вначалѣ была всѣмъ, часть мрака, породившаго свѣтъ“ и проч. Мы уже имѣли случай объяснить выше, что въ такихъ опредѣленіяхъ *сущности* Мефистофеля, по одной редакціи которыхъ онъ является носителемъ зла во имя высшей цѣли, во имя высшаго добра, по другой же является носителемъ зла ради безцѣльнаго стихійнаго стремленія къ разрушенію, самымъ очевиднымъ образомъ замѣшано противорѣчіе. И дѣйствительно одно изъ двухъ: или Мефистофель причиняетъ зло во имя высшаго добра и тогда онъ благожелательная сила, или же онъ причиняетъ зло ради зла, разрушаетъ для разрушенія и въ такомъ случаѣ является злой силой. Между тѣмъ по опредѣленіямъ Гете, которыя мы узнаемъ изъ устъ самого Мефистофеля, этотъ послѣдній ни первое, ни второе. Мы старались показать выше что подобное противорѣчіе неизбѣжно создается само собой, разъ мы желаемъ отыскать объясненіе разрушительнымъ наклонностямъ человѣка въ аналогіи съ отрицательными силами самой природы, къ чему видимо такъ склонялись и Гете, и въ ближайшее къ нему время относительно значенія типа, подобнаго Мефистофелевскому. Противорѣчіе возникаетъ отъ того, что дѣятельность человѣка, хотя-бы и разрушительная, поставляется субъективными цѣлями, аналогичная же дѣятельность природы лишена ихъ. Далѣе мы старались показать, что Гете, повидимому, и самъ сознавалъ

неестественность подобной аналогіи, и потому, въ позднѣйшей надстройкѣ къ *Фаусту* въ *Прологѣ* подчинилъ разрушительную дѣятельность Мефистофеля высшимъ цѣлямъ всеблагого провидѣнія. Но отъ этого противорѣчіе въ типѣ Мефистофеля только еще болѣе усиливается, такъ какъ оттуда, изъ пролога идутъ эти слова, вносящія мотивъ и цѣль въ дѣятельность Мефистофеля, но зато опровергающія ея слѣпую стихійность „я часть той силы, которая всегда замышляетъ зло и всегда творитъ добро". Фактъ противорѣчія возникаетъ и съ другой стороны, если принять, какъ это допускаетъ Куно Фишеръ въ своей превосходной монографіи о *Фаустѣ* (сочиненіе, на которое мы уже ссылались выше), что по первоначальной идеѣ, Мефистофель долженъ былъ-бы явиться земнымъ демономъ, представителемъ *духа земли* [1]), а не сатаны, какъ это вышло впослѣдствіи, когда первоначальный планъ поэмы затерялся.

Такъ или иначе, но всѣ эти противорѣчія устраняются сами собой, если мы разъ навсегда признаемъ, что Мефистофель не представитель сатаны, духа тьмы и злобы, не чертъ, хотя и называетъ себя чертомъ, а только *играетъ роль черта*, какъ справедливо отзывается о немъ Куно Фишеръ, хотя и въ другихъ видахъ. *Мефистофель, какъ чертъ* есть конечно дѣло поэтическаго вымысла, обязаннаго своимъ происхожденіемъ первоначальной народной легендѣ, но форма этого вымысла, однако, такова, что подчасъ она вполнѣ можетъ заслонить собой реальную правду Мефистофельскаго типа и его огромное историческое значеніе въ дѣлѣ Фаустовъ той или другой эпохи. Вотъ почему вѣрнѣе, правдивѣе, жизненнѣе, если Мефистофель предстанетъ предъ нами не какъ порожденіе ада и хаоса, слѣпымъ и безсмысленнымъ разрушителемъ для разрушенія, а прежде всего *конспираторомъ*, какъ-бы выразились у насъ въ 70-хъ годахъ этого столѣтія. Нужно только помнить, что это конспираторъ прирожденной, по природѣ, а не искусственно созданный, потреб-

---

[1]) *Духъ земли*, какъ синтетическій, творческій геній всего земнаго, само собою, благожелательная сила, таковы же должны быть и его представители.

ностями данной эпохи. Отсюда страсть Мефистофеля мистифицировать, прикрывать истину иносказаніями, намеками и при всемъ томъ необыкновенное умѣнье преподносить ту часть истины, которую онъ открываетъ. въ наиболѣе разжигающей любопытство формѣ. Иногда впрочемъ Мефистофель преподноситъ и всю истину, но въ такой степени ее обнажаетъ, что она скорѣе слѣпитъ и отталкиваетъ умственное зрѣніе, нежели спокойно дается пониманію. Прибавьте къ этому умъ столь же обширный, какъ и у Фауста, но только умъ явственно парадоксальный, обостренной тонкой ироніей, всегда готовой перейти въ сарказмъ. въ язвительную насмѣшку. Это тоже прирожденныя черты и только то, что составляетъ умственное и нравственное содержаніе этого типа, что придаетъ самому типу общественное значеніе, выработано въ немъ эпохой. Послѣ такой характеристики намъ уже не трудно угадать истинный тонъ, въ которомъ ведетъ свою рѣчь по отношенію къ Фаусту Мефистофель.

Съ нашей точки зрѣнія. которую мы только что развили, добрая часть предварительной философской бесѣды съ Фаустомъ, когда оба они возносятъ вопросъ о противоборствѣ зла добру въ космическую, такъ сказать, высь. является своего рода мистификаціей со стороны Мефистофеля. Всегда и всюду вѣрный самому себѣ, онъ также мистифицируетъ здѣсь Фауста, какъ впослѣдствіи будетъ мистифицировать Марту Швердтлейнъ, съ подобающей конечно разницей, соотвѣтственно высокому умственномъ сану перваго и мелкому ничтожеству второй. Вотъ почему онъ и самъ, что называется, не кладетъ въ сурьезъ своего разговора съ Фаустомъ о стихійномъ будто-бы происхожденіи собственнаго элемента. Иначе Мефистофель не ввернулъ бы въ свое героическое описаніе, какъ онъ воюетъ съ міромъ, „волнами, штормомъ, землетрясеніемъ, пожаромъ“ иронической, но, конечно, справедливой фразы „Geruhig bleibt am Ende Meer und Land!“ [1]) И вообще онъ спѣшитъ закончить эту первую бесѣду, выражая желаніе на самомъ дѣлѣ получше поряз-

---

[1]) „Въ концѣ концовъ спокойны и моря и земля!“

мыслить.. въ слѣдующій разъ. Очевидно совсѣмъ не тѣ разговоры у него на умѣ и если онъ ведетъ ихъ съ Фаустомъ. то, такъ сказать, pour sauver les apparances, ради высокой умственности самого Фауста.

Его вторая бесѣда съ Фаустомъ гораздо серьезнѣе или, если угодно, существеннѣе въ томъ смыслѣ, что ближе къ дѣлу. Къ этой бесѣдѣ относятся тѣ жалобы и проклятья Фауста, по поводу своего безцвѣтнаго и безцѣльнаго существованія, съ которыми мы отчасти уже знакомы изъ предъидущаго. Интересны подробности этихъ жалобъ. Нарядившись въ парадныя одежды, какъ вообще подобаетъ человѣку пускающемуся въ свѣтъ, Мефистофель совѣтуетъ и Фаусту послѣдовать его примѣру, дабы „безъ стѣсненья, свободно, извѣдать жизнь". Но такой совѣтъ только подталкиваетъ Фауста къ горшимъ изліяніямъ, какъ-бы по чувству контраста: „Во всякомъ платьѣ, отвѣчаетъ онъ, я буду ощущать муку узкой земной жизни. Я слишкомъ старъ, чтобы играть и слишкомъ молодъ, чтобы не имѣть желаній". Что вообще можетъ дать ему міръ? Онъ съ ужасомъ пробуждается по утрамъ, и долженъ бы плакать горькими слезами при видѣ начинающагося дня, который не только не обѣщаетъ исполнить ни одного изъ его желаній, но стремится уничтожить упрямой критикой, житейскою гримасой и самое предчувствіе всякой радости, всякое живое движеніе въ его душѣ. Но одинаково для него нѣтъ покою и ночью, его пугаютъ дикіе сны: „Богъ, продолжаетъ Фаустъ, который живетъ въ моей груди, можетъ глубоко возбуждать мое внутреннее существо. но онъ ничего не можетъ подвинуть наружу". Вотъ почему самое существованіе ему въ тягость. желательна смерть. жизнь ненавистна. Онъ раскаивается теперь, что уступилъ дѣтскому чувству въ ту памятную ночь, когда хотѣлъ отравиться. Теперь онъ проклинаетъ все, что опутываетъ душу какой бы то ни было приманкой, кукольной игрой и низводитъ ее въ печальную область призраковъ и льстивыхъ вожделѣній. Будь проклята ослѣпляющая внѣшность явленія, навязывающагося нашимъ чувствамъ. Будь проклято, что льститъ намъ въ сновидѣніяхъ, будь проклятъ обманъ славы,

долговѣчности имени. Будь проклято, что льститъ намъ какъ обладаніе, какъ женщина и ребенокъ, какъ рабъ и плугъ. Будь проклято богатство и тогда, когда оно подвигаетъ насъ своими сокровищами на смѣлыя дѣла, и тогда, когда оно готовитъ намъ ложе праздной забавы! Проклятье высокой прелести любви! Проклятіе надеждѣ, вѣрѣ и прежде всего самому терпѣнію! Очевидно Фаустъ еще не высказываетъ своихъ желаній, но уже подходитъ къ этому отрицательнымъ путемъ, *путемъ исключенія*, если можно такъ выразиться. Но, увы! уже изъ того, что онъ шлетъ въ концѣ концовъ проклятіе самому терпѣнію, легко усмотрѣть то напряженное и алчущее жизни состояніе, въ которомъ онъ теперь находится. Въ самомъ дѣлѣ должны ли мы принимать всѣ эти „анаѳемы" за чистую монету? Не есть ли это, напротивъ, болѣзненная игра накипѣвшаго раздраженія противъ насильственнаго отчужденія отъ жизни? Кажется, именно такъ понимаетъ дѣло Мефистофель. Это ясно изъ словъ хора духовъ, изъ комментарій самого Мефистофеля къ этому хору: „Hore, wie zu Lust und Thaten altklug sie raten!" они манятъ въ широкій міръ— изъ одиночества, въ которомъ застаиваются соки жизни и чувства. „Перестань,— продолжаетъ Мефистофель,— играть съ твоей печалью, которая, какъ коршунъ терзаетъ твое тѣло. *Даже наихудшее общество дастъ тебѣ почувствовать, что съ людьми ты человѣкъ*". Мефистофель рекомендуетъ себя Фаусту въ товарищи: „я не изъ великихъ,— говоритъ онъ,— но если бы ты пожелалъ въ союзѣ со мной пройти твой жизненный путь, я охотно сейчасъ сталъ бы твоимъ". Фаустъ подается, но предварительно желаетъ знать, что онъ взамѣнъ долженъ исполнить, проситъ ясно опредѣлить условія, ибо „такой товарищъ вноситъ опасность въ домъ". Мефистофель сначала отговаривается. Фаусту остается еще слишкомъ долгій срокъ, затѣмъ намѣкаетъ на расплату *тамъ* равноцѣннымъ дѣяніемъ. Но алчущему Фаусту въ данный моментъ нѣтъ дѣла до этого *тамъ*. „Das Druben kann mich wenig kümmern!" воскликнулъ онъ. Стоитъ только разбить этотъ міръ, другой пусть возникаетъ на его мѣстѣ. Этотъ міръ источникъ радостей для Фауста и это солнце свѣтитъ

на его страданія, а потому ему нѣтъ дѣла до другого міра, будутъ ли тамъ любить или ненавидѣть, есть ли въ тѣхъ сферахъ низъ и верхъ. Мефистофель совѣтуетъ въ этомъ именно смыслѣ отважиться и соединиться съ нимъ, обѣщая дать такое, „чего еще не одинъ человѣкъ не видѣлъ“. Тогда Фаустъ, вполнѣ обнаруживая себя, спѣшитъ развернуть передъ Мефистофелемъ широкія рамки своихъ требованій отъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы желаетъ щегольнуть ихъ высокимъ пошибомъ. Онъ не помирится на пищѣ, которая не насыщаетъ, его не обольститъ ни одно изъ тѣхъ пошлыхъ благъ, до которыхъ такъ падки люди: золото, скользящее изъ рукъ подобно ртути; игра въ ничью; дѣвица, которая на груди одного уже стрѣляетъ глазами въ другого; почести, исчезающія, какъ метеоръ. Но и тутъ не все. Если бы онъ когда-либо успокоился, если бы Мефистофель настолько могъ льстиво усыпить его, чтобы онъ понравился самому себѣ, то пусть это будетъ его послѣднимъ днемъ, онъ держитъ пари! Если онъ когда-либо скажетъ моменту: „остановись, ты такъ прекрасенъ!“ — Мефистофель можетъ наложить на него свои оковы и онъ охотно погибнетъ! Мефистофель можетъ не бояться за нарушеніе договора: то, что обѣщаетъ Фаустъ, есть стремленіе изо всѣхъ его силъ! Великій духъ (земли) пренебрегъ имъ, природа замкнулась передъ нимъ, всякая нить мышленія порвана, ему давно претитъ отъ всякаго знанія. Пусть въ глубинахъ чувственности успокоятся пылающія страсти. Подъ непроницаемой завѣсой неизвѣстности всякое чудо равно готово. Нужно только пуститься въ оглушающій водоворотъ времени и случая. Пусть боль и наслажденіе, удача и досада перемежаются между собою, какъ угодно, только лишь бы былъ неустанно занятъ человѣкъ! Объ одной только радости здѣсь не можетъ быть рѣчи. Фаустъ одинаково посвятитъ себя сутолкѣ болѣзненнаго наслажденія, влюбленной ненависти, освѣжающей досадѣ. Его грудь, исцѣлившаяся отъ насилія бездушнаго книжнаго знанія, не должна отнынѣ замыкаться не передъ однимъ страданіемъ; Фаустъ хочетъ самъ наслаждаться всѣмъ, что дано въ удѣлъ человѣку, одинаково испытать силами собственнаго духа самое

высокое и самое низкое, радость и горе и такимъ образомъ расширить собственное я до я человѣчества, хотя бы и пришлось въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ нимъ погибнуть.

Таковы страданія, жалобы Фауста. таковы его мечты, страсти, желанія, требованія отъ жизни. Напрасно только онъ подходитъ къ нимъ отрицательнымъ путемъ; Мефистофель давно ужь видитъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и если до сихъ поръ критика душевнаго міра Фауста принадлежала ему самому, то отнынѣ она будетъ принадлежать также и Мефистофелю. И не столько вообще душевнаго міра, сколько критика поступковъ, такъ какъ Фаустъ переходитъ изъ круга идельныхъ стремленій, въ кругъ реальнаго ихъ осуществленія. Узнавъ Мефистофеля, вы заранѣе уже предчувствуете, какова будетъ эта критика. Мефистофель, очевидно, станетъ нападать на Фауста, но какъ и откуда почерпая аргументы? Онъ будетъ нападать въ своей обычной формѣ тонкой ироніи, язвительной насмѣшки, сарказма. Онъ будетъ черпать свои аргуметы изъ глубокаго познанія тѣхъ противорѣчій и диссонансовъ, которыми разрѣшается столкновеніе идеаловъ съ хорошо извѣстной ему дѣйствительностью. И вотъ прежде всего Мефистофель противоставляетъ широкому потоку Фаустовскихъ стремленій основное требованіе здраваго практическаго смысла — необходимость мѣры и цѣли („Euch ist kein Mass und Ziel gesetzt“, произноситъ онъ съ удареніемъ). Поэтому, если бы Фаустъ ограничился погоней за одними удовольствіями, онъ и тутъ, отбрасывая робость, крѣпко долженъ держаться Мефистофеля. Однако Фаустъ, какъ мы видѣли, не объ однихъ удовольствіяхъ хлопочетъ („von Freud'ist nicht die Rede“ etc.), онъ желалъ бы извѣдать тѣ выси и глубины добра и зла, какія опредѣлены всему человѣчеству! Въ такомъ случаѣ, Фаустъ берется за пищу, которую не переваривалъ еще ни одинъ человѣкъ отъ колыбели до могилы; это *все*, къ которому стремится Фаустъ, существуетъ лишь для Бога, окруженнаго вѣчнымъ свѣтомъ, а не для тѣхъ, кто влачитъ свое существованіе или прямо во мракѣ, какъ онъ, Мефистофель, или между свѣтомъ дня и мракомъ ночи, какъ самъ Фаустъ и ему подобные. Но если

Фаустъ все-таки настойчиво хочетъ, то Мефистофель понимаетъ это. Одного только нужно бояться: „ars longa, vita brevis est!“ И если въ словахъ Фауста: „Was bin ich denn, wenn es nicht möglich ist, der Menscheit Krone zu erringen, nach der sich alle Sinnen dringen?“ [1]) слышится гордыня геніально одареннаго человѣка, то Мефистофель не упускаетъ случая спустить его на землю: „Du bist am Ende, was du bist“ [2]). Въ самомъ дѣлѣ нужно видѣть вещи, какъ онѣ есть, говоря словами Мефистофеля. И если пользоваться жизнью, то пользоваться пока она не ускользнула. Поэтому, „живѣе въ міръ, оставивъ всякія размышленія. Я говорю тебѣ: простакъ, что спекулятивно только мыслитъ, подобенъ животному, котораго злой духъ завелъ на тощую поляну, между тѣмъ, какъ кругомъ зеленѣетъ прекрасный лугъ!“

Такъ возникаетъ этотъ знаменитый союзъ Фауста съ Мефистофелемъ, союзъ добраго человѣка съ злымъ демономъ искусителемъ, согласно смыслу легенды, союзъ положительнаго, но идеалистическаго типа съ отрицательнымъ, но реальнымъ типомъ, согласно Гёте, и отчасти нашимъ теперешнимъ воззрѣніямъ. И если самъ Гёте еще стоитъ на распутіи и двоится между духомъ средневѣковой легенды, которой платитъ щедрую дань и представленіемъ новаго времени, которое никакъ не можетъ помириться съ демоническимъ происхожденіемъ Мефистофеля, видя въ немъ олицетвореніе не стихійной, слѣпо отрицательной, разрушительной силы, а критическаго генія новѣйшаго человѣчества, то для насъ, въ настоящій моментъ, въ такомъ взглядѣ на Мефистофеля уже не можетъ быть ничего неправдоподобнаго. А если такъ, то мы должны принять и всѣ послѣдствія подобнаго взгляда. Мефистофель подготовляетъ Фауста къ выходу на широкій путь. Онъ сразу понялъ богато одаренную натуру Фауста, насильственно замуровавшую себя въ тѣсномъ склепѣ цеховой учености, давно порвавшей всякія связи съ живой природой, съ живою жизнью,

---

[1]) „Что же такое я, если не возможно достичь вершины человѣчества, къ которой стремятся всѣ чувства?“

[2]) „Въ концѣ концовъ ты только то, что ты есть“.

первымъ и послѣднимъ источникомъ истиннаго знанія, истинной науки. Онъ понялъ далѣе, что, на основаніи своей одаренности, Фаустъ не можетъ оставаться какимъ-нибудь ученымъ засушкой и въ живой дѣйствительности, что для такой натуры и для такого высокаго ума и сама жизнь должна послужить богатой школой опытнаго знанія, и, что, наконецъ, вступивъ въ жизнь, Фаустъ не можетъ не увлечься самой жизнью. Въ этомъ отношеніи Мефистофель останется вѣрнымъ спутникомъ и товарищемъ Фауста, но самъ онъ, конечно, не раздѣлитъ его увлеченій. Напрасно нѣкоторые, какъ увидимъ ниже, считаютъ Мефистофеля, какимъ-то bonvivant'омъ во вкусѣ парижанина XVIII вѣка. Если бы онъ былъ дѣйствительно bonvivant, то онъ велъ бы себя по отношенію къ Фаусту, по меньшей мѣрѣ такъ, какъ ведетъ себя Фальстафъ въ отношеніи Генриха IV-го. Вотъ въ томъ то и дѣло, что Мефистофель *внутренно совершенно чуждъ* увлеченіямъ Фауста и если онъ, ухвативъ его животное существо, что называется, *въ узду*, по временамъ *даетъ ему слишкомъ длинный поводъ*, то дѣлаетъ это преднамѣренно, ради будущей очереди иныхъ, высокихъ дѣлъ Фауста, которыми этотъ вполнѣ искупитъ свои низменныя приключенія. Мефистофель смотритъ на послѣднія не съ точки зрѣнія возвышенной морали, а съ точки зрѣнія житейской необходимости; въ силу этой послѣдней всякій человѣкъ, не только такой большой, какъ Фаустъ, а и много помельче, рано или поздно, такъ или иначе, но все-таки долженъ взять отъ жизни свою долю естественныхъ наслажденій, долженъ удовлетворить первымъ потребностямъ ближайшаго, физіологическаго круга, долженъ насытиться ими и познать имъ цѣну. И только тогда уже, когда пройдена „сфера низменныхъ круговъ", выражаясь словами того-же Мефистофеля, можетъ идти рѣчь, для Фауста одинаково, какъ и для другого, о подъемѣ на болѣе высокія ступени болѣе возвышенныхъ поступковъ. Иначе и самое наше нравственное существо никогда не освободится отъ своихъ низменныхъ оковъ и никогда не выпутается изъ сферы индивидуальныхъ помысловъ, стремленій, поступковъ, словомъ изъ сферы *личныхъ настро-*

* еній въ широкую сферу настроеній общественнаго значенія.* Но, однако. Если рѣчь идетъ о человѣкѣ высокаго умственнаго и нравственнаго достоинства, то его личная дань естественнымъ влеченіямъ природы не должна переступать той грани, за которой во очію начинается плотское безпутство. Иначе въ немъ-же самомъ начнется рано или поздно болѣе или менѣе сильная, болѣе или менѣе мучительная реакція нравственной расплаты, какъ это и случилось съ Фаустомъ послѣ паденія Маргариты, и еще болѣе, послѣ его собственнаго паденія, когда онъ только что возвратился изъ объятій Вальпургіевой ночи. Вотъ эту-то именно нравственную расплату и имѣетъ въ виду Мефистофель, когда договаривается съ Фаустомъ, что онъ долженъ будетъ заплатить ему за его услуги *тамъ* равноцѣннымъ дѣяніемъ. Мы увидимъ ниже, что Фаустъ расплатился за свои личныя увлеченія, за свое нравственное паденіе поступками высокаго достоинства. И намъ станетъ вполнѣ теперь понятно, что такой договоръ, такая ставка, въ которой за жизнь придется расплачиваться тоже жизнью, и въ самомъ дѣлѣ должны быть подписаны кровавыми строками.

Мы уже отчасти видѣли, какимъ образомъ Мефистофель началъ приводить въ исполненіе личную часть жизненной программы Фауста. Онъ толкнулъ его по наклонной плоскости чувственнаго влеченія къ женщинѣ и на время предоставилъ самому себѣ. Фаустъ, какъ мы знаемъ, уязвленный тѣмъ-же Мефистофелемъ, устыдился слишкомъ откровеннаго тона своихъ истинныхъ намѣреній относительно Маргариты. Уже въ силу контраста этихъ низменныхъ влеченій съ высокимъ строемъ его умственнаго міра, въ его душѣ должна была возникнуть реакція благородныхъ чувствъ и братскихъ помысловъ. Онъ началъ съ откровеннаго желанія имѣть Маргариту, какъ самку (Hör', du musst mir die Dirne schaffen!), теперь онъ блуждаетъ въ лѣсу *влюбленный* въ Маргариту. Подъ вліяніемъ своей влюбленности онъ научился узнавать своихъ собратій въ водѣ и въ воздухѣ и въ этой тихой рощѣ! Теперь и самъ онъ еще болѣе готовъ протестовать и противъ себя и противъ Мефистофеля: „О,

dass dem Menschen nichts Vollkommnes wird, empfind ich nun". Обращаясь къ духу земли онъ съ негодованіемъ затѣмъ продолжаетъ: „Du gabst zu dieser Wonne, die mich den Göttern nah und näher bringt, mir den Gefährten, den ich schon nicht mehr entbehren kann, wenn er gleich, kalt und frech, mich vor mich selbst erniedrigt und zu Nichts mit einen Worthauch deine Gaben wandelt. Er facht in meiner Brust ein wildes Feuer nach jenem schönen Bild geschäftig an. So taumł' ich von Begierde zu Genuss, und im Genuss verschmacht ich nach Begierde" [1]. Фаустъ не можетъ освободиться отъ Мефистофеля, потому что Мефистофель необходимъ Фаусту, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Широкій кругъ его влюбленности, какимъ-бы возвышеннымъ, поэтическимъ содержаніемъ онъ ни наполнялся, очевидно тяготѣетъ къ одному... чувственному центру. Между сферой и центромъ этого круга въ душѣ Фауста закипаетъ борьба и только Мефистофель облегчитъ ему выходъ. Безъ меня, говоритъ онъ Фаусту, вамъ, бѣдный сынъ земли, мудрено было бы повести вашу жизнь: „я излѣчилъ васъ на долгое время отъ причудъ воображенья (vom Kribskrabs der Imagination". Онъ подсмѣиваетcя надъ этимъ уединеніемъ филина среди пещеръ и скалъ или уединеніемъ крота, высиживающаго пищу во мху сыромъ. Фаустъ протестуетъ, потому что это странствіе въ пустынѣ придаетъ ему будто бы новую жизненную силу, между тѣмъ какъ, наоборотъ, новая жизненная сила (любовь къ Маргаритѣ) толкаетъ его въ уединеніе съ тѣмъ, чтобы лучше отдаться своему чувству. Тогда Мефистофель *однимъ ударомъ сокращаетъ любовное дѣло Фауста*; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пользуется случаемъ, чтобы преподнести Фаусту тотъ печальный выводъ, который, такъ сказать, заранѣе за-

---

[1] „О, что человѣку ничего не дано въ совершенствѣ я слишкомъ чувствую теперь. При томъ блаженствѣ, которое меня все ближе и ближе возноситъ къ богамъ, ты далъ мнѣ спутника, съ которымъ я не могу уже болѣе разстаться, хотя онъ равнодушно, холодно и дерзко унижаетъ меня передъ самимъ собою и однимъ дыханіемъ обращаетъ въ ничто твои дары. Онъ разжигаетъ въ моей груди дикій огонь къ тому прелестному созданью.. И я бросаюсь отъ желанья къ наслажденію и отъ наслажденія къ желанію."

прятанъ на днѣ даже самой возвышенной, самой идеальной любви, въ концѣ концовъ разрѣшающейся все-таки животнымъ аффектомъ: „Ein überirdisches Vergnügen! начинаетъ онъ по своему обыкновенію издалека, in Nacht und Tau auf den Gebirgen liegen und Erd, und Himmel wonniglich umfassen. Zu einer Gottheit sich aufschwellen lassen. der Erde Mark mit Ahnungsdrang durchwühlen. alle sechs Tagwerk' im Busen fühlen, in stolzer Kraft ich weiss nicht was geniessen, bald liebewonniglich in alles überfliessen. verschwunden ganz der Erdensohn. und dann die hohe Intuition... (mit einer Geberde) Ich darf nicht sagen—wie zu schliessen“ [1]).

Напрасно Фаустъ отбивается отъ Мефистофеля, называетъ его змѣей, бросаетъ ему въ лицо даже имя сводника! Мефистофель ведетъ дѣло на чистоту, очевидно желая сократить время. Пусть Фаустъ предается пока самообману, но долго такъ продлится не можетъ, наскучитъ. Поэтому Мефистофелю кажется, что „баринъ“ (der grosse Herr) поступилъ-бы лучше, если-бы вмѣсто того, чтобы царить здѣсь въ лѣсу (anstatt in Waldern zu thronen), поспѣшилъ вознаградить за любовь бѣдное, глупенькое созданье(das arme affenjunge Blut), какой очевидно только и можетъ быть въ глазахъ суроваго насмѣшника, Маргарита! Мефистофель нисколько не смущается даже позорнымъ именемъ сводника, напротивъ онъ отпарируетъ этотъ ударъ съ изумительной, геніальной изворотливостью. По высказанной имъ тутъ же мысли, Богъ, сотворившій мужчину и женщину, не только одарилъ ихъ влеченіемъ другъ къ другу, но долженъ былъ создать и самый случай, благодаря которому является для половъ возможность сближенія между собою. Къ тому же велика бѣда! не на смерть идетъ Фаустъ, а всего лишь въ комнату своей возлюбленной. Дальнѣйшая борьба Фауста съ самимъ собою,

---

[1]) Неземное удовольствіе! Лежать ночью въ горахъ на росѣ. стремится обнять землю и небо, раздуваться до размѣровъ божества, проникать мысленно землю до ея предѣловъ, ощущать въ своей груди все сотворенное въ шесть дней, не зная чѣмъ наслаждаться въ гордой силѣ, переливаться во все съ любовнымъ блаженствомъ. дать исчезнуть въ себѣ всему земному, и вдругъ все это высшіе созерцаніе... (съ жестомъ) не смѣю сказать чѣмъ закончить!

очевидно, напрасна. Онъ можетъ еще негодовать на себя, напередъ клеймить себя всевозможными эпитетами, за то, что долженъ погубить ее, но это не спасетъ его чувства отъ неизбѣжной развязки: „Was muss geschehn, mag geschehn!“ [1]

Итакъ, по словамъ Фауста, Мефистофель, въ дѣлѣ его любви къ Маргаритѣ, не болѣе, какъ сводникъ. Отмѣтимъ эту любопытную черту, которая еще пригодится намъ впослѣдствіи, при характеристикѣ подлинника Мефистофеля. Не будемъ забѣгать также впередъ и въ томъ отношеніи, что настанетъ трагическій моментъ въ исторіи нашихъ друзей, когда Мефистофель громовымъ голосомъ опрокинетъ позорящее обвиненье на собственную голову Фауста. А теперь любопытно посмотрѣть, что столь же недружелюбно относится къ Мефистофелю и другая сторона — Маргарита. Въ своей интимной, задушевной и вмѣстѣ наивной бесѣдѣ съ Фаустомъ о религіи, о Богѣ, о любви она откровенно заявляетъ, что *тотъ*, который постоянно съ нимъ (Мефистофель), до глубины души ей ненавистенъ. Никогда съ ней не бывало такого: когда она увидитъ это противное лице, точно что въ грудь ее кольнетъ. *Его* присутствіе волнуетъ ей кровь. Когда она стремится видѣться съ Фаустомъ, ее смущаетъ тайный страхъ. Она ни за что бы не хотѣла жить съ подобными *ему*. Едва покажется въ дверяхъ и ужъ такъ насмѣшливо и зло заглядываетъ внутрь. Видно, что *онъ* ни въ чемъ не принимаетъ участья и на лбу у него написано, что *онъ* не можетъ любить ни одной души. Между тѣмъ ей такъ хорошо, такъ привольно, такъ горячо и любо въ объятіяхъ Фауста. Когда *онъ* здѣсь, *ей даже кажется, что она не любитъ больше Фауста:* въ *его* присутствіи она не могла бы даже молится; это гложетъ ей сердце. „И тебѣ, Гейнрихъ, должно быть также“ восклицаетъ она, обращаясь къ Фаусту съ святой наивностью безгранично влюбленнаго ребенка. По поводу этой бесѣды Мефистофель иронизируетъ, что Фауста спрашивали изъ катехизиса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обнаруживаетъ глубокое знаніе сердца дѣвушки изъ простой мѣ-

---

[1]) „Чему быть, тому не миновать“.

щанской среды, которая вопросъ о вѣрѣ возлюбленнаго „по старому обычаю“ инстинктивно связываетъ съ вопросомъ о благополучіи супружескаго лона, потому что если онъ вѣруетъ и думаетъ такъ же какъ она, то и послѣдуетъ во всемъ за нею. Однако отъ Мефистофеля не ускользнуло, что эта мѣщанская дѣвушка чутьемъ угадываетъ его самого. Да и какъ не угадать? Ниже, когда мы подробнѣе познакомимся съ Мефистофелемъ, въ его историческихъ и отвѣчающихъ дѣйствительности подлинникахъ, мы увидимъ, что человѣкъ этого типа слишкомъ занятъ общественными злобами текущей дѣйствительности, чтобы придавать слишкомъ серьезное значеніе любовнымъ увлеченіямъ своихъ друзей. Вотъ почему у него дѣйствительно на лбу написано, что онъ не любитъ ни одной *женской души*, какъ-бы слѣдовало перефразировать слова Маргариты, потому что женская душа въ самомъ лучшемъ случаѣ помѣха, оттяжка времени, досадное. но неизбѣжное зло на пути, къ той цѣли, къ тоторой только Мефистофель идетъ твердой поступью, Фаустъ же—не увѣренными, колеблющимися шагами. Вотъ почему Мефистофель обрываетъ любовное томленіе Фауста грязной, но духъ захватывающей фразой „и такъ сегодня ночью?“ Вотъ почему, когда эта ночь, наконецъ, совершилась, Мефистофель, заранѣе осмѣивавшій развязку, на основаніи глубокаго знанія худшихъ сторонъ человѣческой природы, напускаетъ на себя торжественно ироническую мину и берется спѣть Маргаритѣ *нравственную пѣсню* (ein moralisches Lied).

Lass, lass es sein!
Er lässt dich ein,
Als Mädchen ein,
Als Mädchen nicht zurücke. [1]).

Но разъ случилось то, что должно случиться, развязка еще не обѣщаетъ быть скорой. Обыкновенно принимаютъ, что Мефистофель старается усыпить совѣсть Фауста посредствомъ Вальпургіевой ночи. Въ этомъ значеніи описываетъ

---

[1]) Пусть, пусть! Онъ впуститъ тебя дѣвушкой къ себѣ, но дѣвушкой оттуда не уйдешь

Вальпургіеву ночь, повидимому, и самъ Гете. Однако психологическое основаніе этой интермедіи, намъ кажется, лежитъ гораздо глубже. Что духъ Фауста мечется угрызеніями совѣсти и ищетъ забвенія, это вполнѣ понятно. Но, что онъ ищетъ его послѣ дѣвственно чистыхъ устъ Маргариты, въ мутныхъ объятіяхъ Вальпургіевой ночи, требуетъ объясненія. Къ сожалѣнію, такое поясненіе поставитъ насъ въ необходимость сказать горькую правду о мужчинѣ. Въ прекрасной поэмѣ нѣмецкаго поэта пессимиста Гамерлинга „Король Сіона“, сюжетъ которой заключается въ описаніи анабаптистскаго движенія, есть такая картина. Царство Сіона, обѣщающее имущественное и политическое равенство, близится наступить. Путемъ своеобразной логики анабаптисты приходятъ къ заключенію, что для того, чтобы оставить побѣду за своимъ дѣломъ, имъ необходимо нужно размножиться, какъ песку морскому. Но какъ размножиться? Путемъ многоженства или даже общности женъ. Любопытенъ самый аргументъ въ пользу многоженства который приводится здѣсь однимъ изъ тирентовъ этого движенія: „Fruchtbar ist täglich die Mannheit, aber die weibliche Ernte, sie reift im Jahre nur einmal“...[1]. Вы видите съ какой животной силой откровеннаго инстинкта аргументировано здѣсь многоженство. Однако суть дѣла именно въ самомъ инстинктѣ, а не аргументѣ. Благодаря этому инстинкту, мужчина всегда былъ и есть многоженецъ. Все равно, вытекаетъ ли многоженство мужчины изъ унаслѣдованнаго имъ половаго инстинкта первобытнаго человѣка, принужденнаго когда-то искать женщину и даже *охотиться за многими женщинами сразу* или же это есть порожденіе ненормальныхъ общественныхъ условій, или же оба фактора дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, т.-е. ненормальныя общественныя условія поддерживаютъ первобытный инстинктъ, но только фактъ многоженства мужчины, въ сущности одинаковаго во всѣ времена, очевиденъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы статистика задалась цѣлью изслѣдовать, какой % мужчинъ

[1]) Ежедневно способенъ къ оплодотворенію мужчина, женская же жатва поспѣваетъ въ году только одинъ разъ.

вступаетъ въ бракъ, сохранивъ свое цѣломудріе, то задача такой статистики оказалась-бы наилегчайшей, такъ какъ, по истинѣ, ей недолго пришлось-бы подсчитывать цифры!

Вотъ изъ какого источника беретъ на самомъ дѣлѣ свое начало мутный потокъ Вальпургіевой ночи въ жизни почти каждаго мужчины, вотъ откуда Вальпургіева ночь становится на свое мѣсто и въ исторіи Фауста. Онъ полюбилъ Маргариту, какъ мы видѣли, сначала чисто чувственной любовью. Къ этому чувственному ядру присоединяется затѣмъ духовная оболочка, но не смотря на то, полнаго удовлетворенія своему идеалу женщины Фаустъ не нашелъ въ Маргаритѣ. Этотъ идеалъ Фаустъ найдетъ впослѣдствіи въ классической Еленѣ (во *второй части*), но на пути къ своему идеалу, охваченный столько же угрызеніемъ совѣсти, сколько тайнымъ разочарованіемъ, одновременно подталкиваемый распущенной силой инстинкта мужчины, онъ долженъ пройти черезъ оргію Вальпургіевой ночи. Интересно прослѣдить, какъ и въ этомъ случаѣ перекрещиваются индивидуальныя особенности обѣихъ характеровъ. Фаустъ доволенъ вступленіемъ въ Вальпургіеву ночь, потому что уже одна дорога сюда представляется интереснымъ лабиринтомъ. Кромѣ того въ воздухѣ вѣетъ весной, которая и на нихъ съ Мефистофелемъ, по словамъ Фауста, должна подѣйствовать. На это Мефистофель сурово отвѣчаетъ что, по истинѣ, онъ не замѣчаетъ ничего подобнаго „во мнѣ внутри сидитъ зима!“ (Mir ist winterlich im Leibe). Тѣмъ не менѣе, не смотря на предостереженіе, Фаустъ, охваченный кутерьмой новыхъ, безпорядочно перепутанныхъ впечатлѣній, съ первыхъ же шаговъ сбился съ дороги. Мефистофель снова приводитъ его въ себя, предлагая на этотъ разъ держаться за него. Но далѣе и самому Мефистофелю, видавшему виды, становится тошно въ этой давкѣ; онъ приглашаетъ доктора уединиться. Фаустъ философствуетъ, отговариваясь, что только такой духъ противорѣчія, какъ Мефистофель, можетъ идти на Брокенъ въ Вальпургіеву ночь искать уединенія. Фаусту напротивъ хочется въ самую давку, туда, гдѣ «толпа стремится ко грѣху; гдѣ должно разрѣшиться много загадокъ»;—и «много завя-

заться вновь», поясняетъ Мефистофель. Поэтому «пусть шумитъ себѣ большой свѣтъ, продолжаетъ онъ, мы же будемъ хозяйничать въ тиши. Давно ужъ такъ устроено, что въ большомъ мiру заводится малый». Кстати онъ предлагаетъ Фаусту взглянуть на молоденькихъ вѣдьмочекъ, которыя безъ церемонiи разоблачились (старыя благоразумно прикрываются!) и совѣтуетъ съ ними быть подружелюбнѣе, тѣмъ болѣе, что не большой вѣдь трудъ, за то большое удовольствiе (Die Muh ist klein, der Spass ist gross). Обращая вниманiе на шабашъ вѣдьмъ, онъ видимо подзадориваетъ Фауста: «что скажешь, другъ? Небольшое мѣстечко, но взгляни-ка туда! Конца не видно сотнямъ огней, горящихъ въ рядъ: варятъ, пьютъ, танцуютъ, болтаютъ, любятъ. Гдѣ бываетъ веселѣе?» Фаустъ живо отзывается, нельзя ли и имъ къ нимъ затесаться, такъ волшебникомъ или чертомъ какимъ? Мефистофель внутренно торжествуетъ, но какъ истинный конспираторъ, сдержанно замѣчаетъ, что, правда, онъ привыкъ появляться инкогнито, но въ такой праздникъ не мѣшаетъ показаться и съ орденомъ:—нѣтъ у него ордена подвязки, «но и лошадиное копыто здѣсь подъ масть» (Doch ist der Pferdefuss hier ehrenvoll zu Haus»). Къ тому же вонъ ползетъ улитка; своею мордой, которая у ней служитъ осязанью, она видимо нѣчто пронюхала. Пускай.—«я здѣсь не отрицаюсь. Пойдемъ-ка! отъ огня къ огню. Я *буду сватъ, ты будешь женихомъ*»! Попутно Мефистофель ехидно привѣтствуетъ старичковъ: «Вы почтенные, господа, куда забились въ уголъ. Мнѣ прiятнѣе было-бы васъ видѣть въ самой серединѣ, средь шума и кипучаго веселья юности. Достаточно одиночества всякому и дома» Затѣмъ снова встрѣчи и снова попутныя замѣчания Мефистофеля. Въ особенности насъ поражаетъ одно изъ нихъ, сдѣланное Мефистофелемъ по адресу вѣдьмы лоскутницы: «Эхъ тетка, плохо понимаешь ты вѣкъ. Было, случилось! Случилось, было! Ты возьмись за новости! Лишь новости насъ увлекаютъ.» И здѣсь въ этомъ замѣчании, какъ увидимъ впослѣдствии, Мефистофель высказываетъ истину вѣрную на сто цѣлыхъ лѣтъ. Фаустъ замѣчаетъ женщину, на которую Мефистофель проситъ обратить вниманiе. «Это

Лилитъ, поясняетъ онъ, Адама первая жена. Берегись ея прекрасныхъ волосъ, ея единственнаго украшенія. Если она достанетъ ими молодца, не такъ то скоро выпуститъ назадъ.» Наконецъ цѣль ихъ достигнута: Фаустъ замѣчаетъ двухъ, которыя порядкомъ наплясались и потому не заняты. «Развѣ сегодня знаютъ здѣсь покой, отвѣчаетъ Мефистофель. Начинается новый танецъ, ну-ка пойдемъ и мы на счастье!» Фаустъ и Мефистофель танцуютъ; Фаустъ съ молодой и красивой, Мефистофель со старухой. Повидимому и здѣсь роли распредѣляются такъ же, какъ въ извѣстной сценѣ въ саду, гдѣ Фаустъ гуляетъ съ Маргаритой, Мефистофель съ Мартой. И здѣсь, какъ тамъ, первому достается лучшее на пиру жизни, второму худшее. Но на этотъ разъ и самъ Фаустъ впадаетъ въ тонъ Мефистофеля; между нимъ и его красавицей завязывается пикантный діалогъ:

Faust (mit der Jungen tanzend).
Einst hatt' ich einen schönen Traum;
Da sah ich einen Apfelbaum,
Zwei schöne Äpfel glänzten dran,
Sie reizten mich, ich stieg hinan.
Die Schöne. Der Äpfelchen begehrt ihr sehr
Und schon vom Paradiese her.
Von Freuden fühl' ich mich bewegt,
Dass auch mein Garten solche trägt [1]).

Легко представить себѣ, что если влюбленный Фаустъ говоритъ въ Вальпургіеву ночь пошлости, то далекій отъ всѣхъ влюбленности Мефистофель уже совсѣмъ не церемонится. И здѣсь ведется не менѣе интересный діалогъ:

Mephistopheles (mit der Alten).
Einst hatt' ich einen wüsten Traum:
Da sah ich einen gespaltnen Baum,
Der hatt' ein........;
So—es war, gefiel mir's doch!

[1]) *Фаустъ.* Мнѣ снился какъ-то прекрасный сонъ, я видѣлъ яблоню, на ней блестѣли два прекрасныхъ яблока. Они такъ возбудили мой аппетитъ, что я полѣзъ за ними.

Красавица. До яблочковъ вы всегда были очень охочи съ тѣхъ поръ, какъ попробовали ихъ въ раю. Но я очень рада, что и въ моемъ саду найдутся такіе-жъ точно.

Die Alte. Ich bitte meinen besten Gruss
Dem Ritter mit dem Pferdefuss!
Halt er einen.... bereit
Wenn er.... nicht scheut [1]).

Но вотъ неожиданно вакханалія прерывается. Фаустъ испугался краснаго мышенка, который выскочилъ изо рта его красавицы. Между тѣмъ Мефистофель все время сохраняетъ тонъ человѣка, геніальное самообладаніе котораго позволяетъ извлекать мысли изъ такихъ фактовъ и оставаться философомъ среди такой обстановки, которая всякаго другаго, менѣе крѣпкаго характеромъ, только незамѣтно растлѣвала-бы. Онъ насмѣшливо замѣчаетъ Фаусту, что развѣ можно заботиться о такихъ пустякахъ въ часы любви? (Wer fragt darnach in einer Schaferstunde?) Хорошо еще, что мышенокъ не былъ сѣрымъ... Здѣсь опять слышится глубокая истина на тотъ случай, что мужчина, который пожелалъ-бы, въ печальную минуту жизни, замѣнить объятія чистой женщины объятіями проститутки, рискуетъ въ самый критическій моментъ встрѣтить жестоко отрезвляющую мерзость, послѣ чего ему во сто кратъ станетъ еще хуже. Такъ это и случилось съ Фаустомъ. Передъ нимъ вдругъ, съ роковой силой психической галлюцинаціи, встаетъ образъ Маргариты въ видѣ блѣднаго, прекраснаго ребенка! Напрасно Мефистофель старается доказать Фаусту, что это безжизненный, волшебный призракъ, встрѣча съ которымъ нехороша: „отъ мертваго взора стынетъ кровь человѣка и самъ человѣкъ превращается въ камень“, какъ отъ взора медузы. Но воображеніе Фауста воспламеняется все съ большей и съ большей силой. По истинѣ это глаза мертвеца, незакрытыя любящей рукою... Только вѣдь это грудь Гретхенъ, которую онъ такъ прижималъ къ своей груди, это ея милое

---

[1]) *Мефистофель* (со старухой.) Мнѣ разъ привидѣлся безпутный сонъ, я видѣлъ, что на расщепленномъ деревѣ была... такая, очень мнѣ понравилась!
Старуха. Привѣтъ мой рыцарю съ конскою ногою!
Пусть онъ... . готовымъ.
Если его............. не страшатъ.

тѣло, которымъ онъ такъ наслаждался. „Глупецъ, тебя легко такъ провести! это волшебство, ибо къ каждому идетъ она, какъ къ своему возлюбленному“ настаиваетъ съ злобной горечью Мефистофель, насильственно увлекая своего друга дальше.

Наконецъ, настало мрачное утро Фауста, мрачный, пасмурный день его перваго въ жизни кровнаго несчастія. Случалось ли вамъ переживать такое утро, такой день? Случалось ли вамъ просыпаться такъ, какъ будто вы не проснулись, а точно вышли изъ оцѣпенѣнія, когда на груди у васъ лежитъ каменная тяжесть безъисходнаго горя, и вы не въ состояніи пошелохнуться, какъ подъ гробовой плитой? Сдѣлавъ неимовѣрныя усилія, вы, наконецъ, встали, потянулись къ свѣту. И вотъ передъ вами это пасмурное утро съ такимъ мутнымъ, сумрачнымъ небомъ, какъ будто оно нарочно рѣшило отвѣчать вашему настроенію, какъ будто самое ваше горе свинцовыми буквами отпечатлѣлось на его подернутой мглою завѣсѣ! Передъ Фаустомъ и Мефистофелемъ пасмурное поле... Фаустъ только что узналъ, что его любовный фестиваль, которому, казалось, конца не будетъ, окончился потрясающей трагедіей. Изъ-за него она погубила ребенка и мать, а теперь и сама на краю гибели. Милое, несчастное существо, какъ преступница брошена въ тюрьму на ужасныя муки! Съ яростью обрушивается онъ на Мефистофеля, въ которомъ готовъ видѣть теперь единственнаго виновника бѣдствія. „Предательскій, недостойный духъ! и ты могъ это скрывать отъ меня! Постой же, постой! Вращай кругомъ дьявольскими глазами со злостью. Стой и возмущай меня твоимъ невыносимымъ присутствіемъ. Заключена! Въ невыносимомъ бѣдствіи! Предана злымъ духамъ и безчувственному суду человѣка! А ты старался между тѣмъ убаюкивать меня твоими отвратительными развлеченіями, скрывалъ отъ меня ея возрастающую бѣду, предоставляя ей безпомощно гибнуть!“ На сдержанный возгласъ Мефистофеля „она не первая!“, Фаустъ съ еще большимъ бѣшенствомъ наступаетъ на него: „собака! отвратительное чудовище!“ Въ самомъ дѣлѣ „не первая! о горе,

горе! ни одна человѣческая душа не въ состояніи того вмѣстить, что столько существъ потонуло въ глубинѣ подобныхъ бѣдствій и что первое изъ нихъ, въ своей смертельной печали, не искупило у вѣчно Всепрощающаго вины остальныхъ! Мнѣ гложетъ мозгъ и тѣло бѣдствіе этой одной, а ты скалишь зубы надъ тысячею ей подобныхъ!" Мефистофель еще сдерживается, не теряетъ своего обычнаго хладнокровія, своей обычной манеры отшучиваться: „мы опять на границѣ нашего остроумія, гдѣ вашъ человѣческій умъ заходитъ за разумъ, отвѣчаетъ онъ Фаусту. Почему ты водишь съ нами компанію, если водить ее не можешь. Хочешь летать и не увѣренъ, не закружится ли голова? Мы къ тебѣ стремились или ты къ намъ?" Ругательства Фауста, желавшаго во чтобы то ни было сдѣлать Мефистофеля козломъ отпущенія, продолжаютъ изливаться бранньмъ потокомъ; онъ, сохраняющій вѣру въ чистоту своей собственной души, выражаетъ при этомъ горькое сожалѣніе, зачѣмъ прикованъ къ такому позорному товарищу, который „питается вредомъ и наслаждается гибелью". Наконецъ, истощившись, онъ заклинаетъ Мефистофеля подъ угрозой вѣковѣчнаго проклятія *спасти ее*. Вотъ тогда то наступаетъ для Мефистофеля моментъ расплатиться съ Фаустомъ за всѣ эти эпитеты сводника, собаки, чудовища;—и онъ дѣлаетъ это однимъ ударомъ своего колючаго, какъ молнія языка, одной громовой фразой: „спаси ее! Но кто же бросилъ ее на путь преступленія, я или ты?" И какъ бы въ доказательство справедливости словъ Мефистофеля, въ рѣшительный моментъ передъ тюрьмою, въ которой томится Маргарита, Фаустъ дрожитъ, охваченный робостью и страхомъ передъ тѣмъ какъ ее вновь увидѣть... Фаустъ и Мефистофель при общей ихъ готовности и страстномъ натискѣ Фауста—вспомнимъ сцену въ тюрьмѣ полную любви, радости, горя, отчаянія, готовности самому поплатиться, — не спасли Маргариты; не спасли единственно потому, что „она не первая". Другими словами, тотъ общественный строй, гдѣ развратомъ считается не позорное многоженство мужчины, которое всегда было, есть и, вѣроятно, долго будетъ, а благородная способность женщины

безкорыстно и беззавѣтно отдаваться чистому чувству любви (ея преступленіе—ея мечта о счастіи! говоритъ тотъ-же Фаустъ), за весьма немногими исключеніями, обрекаетъ всякую такую женщину на гибель, если только она осмѣлится пренебречь узаконенными предразсудками, обрядовой формальностью... Маргарита погибла (она спасена! раздается, впрочемъ, голосъ сверху, какъ-бы въ знакъ высшаго признанія ея попранныхъ правъ... въ отдаленномъ будущемъ); вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда окончилась самая интимная, самая глубокая, самая человѣчная часть личной драмы Фауста, такъ какъ въ послѣдствіи онъ будетъ искать любви не сердцемъ, а мозгомъ и болѣе мозгомъ, чѣмъ сердцемъ!

ГЛАВА II.

Мы подробно обозрѣли въ предъидущемъ индивидуальные характеры Фауста и Мефистофеля, подробно уяснили значеніе ихъ союза, вытекшаго изъ общности настроенія, благодаря которому пассивная, созерцательная инертная сила Фауста должна выступить изъ отшельнической кельи ученаго въ широкое море общественной жизни, но какъ? на мощномъ букcирѣ могучей энергіи Мефистофеля. Мы подробно разсмотрѣли и самую программу ихъ будущихъ дѣйствій, которую чертитъ своею твердою рукою Мефистофель на основаніи личныхъ и общественныхъ алканій Фауста, на основаніи личныхъ и общественныхъ элементовъ его настроенія, на основаніи ихъ совмѣстной критики индивидуальныхъ и общественныхъ явленій. Мы подробно остановились и у тѣхъ золотыхъ воротъ, которыя отдѣляютъ крохотное море нашего личнаго счастья отъ огромнаго моря счастья всечеловѣческаго... Я разумѣю любовь Фауста... Какъ-бы то ни было, но недаромъ любовь на нашемъ современномъ научномъ языкѣ называется не просто эгоистическимъ, а эго-альтруистическимъ чувствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, любовь лишь постольку эгоистическое чувство по скольку она состоитъ изъ голаго влеченія къ удовлетво-

ренію половаго инстинкта; но съ того момента, какъ къ ея физіологическому корню присоединяются эстетическія и этическія чувствованія высшаго порядка:—восхищенія, сочувствія, готовности постоять за предметъ своей любви и т. д., сопровождаемыя цѣлымъ спектромъ разнообразныхъ настроеній радостнаго или печальнаго тона, и самая любовь возвышается до уровня альтруистическаго чувства. Съ такимъ содержаніемъ любовь мужчины къ женщинѣ *есть первое общественное чувство, которое соединяетъ человѣка съ человѣкомъ* и не одними только путами физіологической необходимости, а также и нравственной связью. Фаустъ позналъ это могущественное чувство любви отъ корня до вершины, позналъ ея животныя, позналъ и ея нравственныя, благороднѣйшія проявленія; его умъ обогатился опытнымъ разумѣніемъ одного изъ сокровеннѣйшихъ двигателей человѣческаго сердца: теперь для него не будутъ книжными, понимаемыми однимъ только мозгомъ, слова „любовь, благо счастье, радость, страданіе, горе, человѣчность“. Правда лично онъ не вынесъ полнаго нравственнаго удовлетворенія изъ этого чувства, онъ какъ-бы потерялъ даже ключъ къ своему личному узкому, индивидуальному счастію, но взамѣнъ его получилъ другой, посредствомъ котораго только и можетъ быть отомкнутъ путь къ широкому счастью общечеловѣческому, въ томъ числѣ и опять-же къ своему личному, но уже въ иномъ, преобразованномъ, расширенномъ и просвѣтленномъ видѣ! Однимъ словомъ, съ концемъ личной драмы, и благодаря этому концу, отметается Фаустъ личнаго, индивидуальнаго дѣйствія и передъ нами выступаетъ Фаустъ дѣйствія собирательнаго, коллективнаго, общественнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самый типъ Фауста изъ индивидуальнаго становится, по преимуществу, общественнымъ. Фаустъ въ сферѣ общественнаго дѣйствія, по плану Гете, долженъ выступить во *второй части*; однако черты его общественной дѣятельности имѣются на лице уже и въ *первой части*, отсюда мы и начнемъ. Припомнимъ, что Фаустъ не только самъ докторъ, но и сынъ доктора. Въ годину народнаго бѣдствія, во время чумы, его отецъ лѣчилъ народъ, а моло-

дой Фаустъ ходилъ вмѣстѣ съ нимъ по больнымъ, раздавалъ лѣкарство. Въ сценѣ *у городскихъ воротъ* старикъ крестьянинъ, вспоминая тѣ обстоятельства, громко пьетъ здоровье Фауста. По этому поводу Вагнеръ патетически восклицаетъ: „Какое чувство долженъ испытывать ты, великій мужъ, при такомъ почитаніи этой толпы!.. Ты проходишь, они стоятъ рядами, шапки летятъ вверхъ; еще немного и они стали бы на колѣна, какъ при несеніи святыни". На патетическія слова Вагнера Фаустъ съ горечью отвѣчаетъ: „Одобреніе народа звучитъ для меня насмѣшкой. О, еслибы ты могъ прочитать внутри меня, какъ мало отецъ и сынъ заслужили такую славу! Отецъ мой былъ честный, но темный человѣкъ". Дѣло въ томъ, что отецъ его алхимикъ, на свой образецъ понимая природу, запирался съ своими адептами въ „черную кухню" и тамъ старался соединить не соединимое по мистическимъ и вмѣстѣ безконечнымъ рецептамъ. Такимъ образомъ „получалось лѣкарство, паціенты гибли и никто не спрашивалъ, кто выздоровѣлъ? Такъ мы свирѣпствовали съ нашей адской кашицей по этимъ долинамъ, горамъ, хуже самой чумы. Я самъ тысячѣ больныхъ подносилъ ядъ, они гибли, мнѣ же суждено дожить до того, чтобы слышать, какъ расхваливаютъ дерзкихъ убійцъ", заключаетъ Фаустъ. Это признаніе, какъ увидимъ ниже, весьма замѣчательно въ томъ отношеніи, что здѣсь уже сто лѣтъ тому назадъ (время созданія *Фауста*) высказана истина, которую въ 70—80-хъ годахъ текущаго столѣтія, слѣдовательно еще совсѣмъ недавно, наша передовая интеллигенція снова пережовывала на тысячу ладовъ. Я разумѣю, столкновеніе благородныхъ стремленій послужить народу, вытекающихъ изъ сознанія нравственнаго долга и нравственной отвѣтственности передъ народомъ, съ безсмысленной путаницей того, что выходитъ изъ этихъ благородныхъ стремленій на дѣлѣ.

Итакъ Фаустъ, какъ общественное лицо, докторъ, но онъ кромѣ того еще и профессоръ. Казалось бы и здѣсь широкое положеніе къ несомнѣнной общественной дѣятельности. Мы уже видѣли въ какой степени онъ разочарованъ въ наукѣ. Не менѣе онъ разочарованъ и въ своей профессорской дѣя-

тельности: „называюсь магистромъ, даже докторомъ, но десятками лѣтъ вожу за носъ моихъ учениковъ вверхъ и внизъ, вкривь и вкось, вокругъ и около!“ Однако у Фауста въ этомъ отношеніи могли еще оставаться кое какія колебанія, сомнѣнія, иллюзіи. Но вотъ является Мефистофель и окончательно уноситъ изъ подъ его ногъ почву. Фаустъ ученый профессоръ, по самому положенію своему обязанный сообщать истину ученикамъ. Такъ ли это? „Was willst du dich das Stroh zu dreschen plagen? Das Beste, was du wissen kannst, darfst du dem Buben doch nicht sagen?“ [1]). Въ геніальной сценѣ съ ученикомъ онъ, вдобавокъ, еще осмѣиваетъ и самые пріемы университетской науки—студенческую вызубрку. На почтительное привѣтствіе будущаго студента, Мефистофель, (котораго тотъ принимаетъ за самого профессора), любезно благодаритъ его за учтивость, но тутъ же рекомендуется и самъ „вы видите человѣка, какихъ много“. И эту фразу оканчиваетъ обычнымъ профессорскимъ вопросомъ: „Дѣлали ли вы что-нибудь до сихъ поръ?“ Изъ отвѣта ученика, что онъ вообще желалъ бы что-нибудь изучить съ толкомъ, Мефистофель тотчасъ же догадывается, съ какимъ зеленымъ юношей имѣетъ дѣло и уже иронически ободряетъ его: „въ такомъ случаѣ вы какъ разъ на мѣстѣ!“ Затѣмъ будущее чадо университетской науки дѣтски признается, что, по правдѣ, онъ хоть бы и сейчасъ вспять: такъ ему не по себѣ въ этихъ стѣнахъ, въ ограниченномъ пространствѣ, гдѣ не видно ни земли, ни деревца, а въ самыхъ залахъ (аудиторіяхъ), на скамьяхъ у него просто отшибаетъ слухъ, зрѣніе и умъ. Мефистофель снова ободряетъ, конечно, опять въ томъ же ироническомъ тонѣ, говоря, что это дѣло привычки и что даже дитя не охотно вначалѣ беретъ грудь матери, но скоро сосетъ съ охотою: „такъ и вамъ у грудей познанія съ каждымъ днемъ все будетъ лучше“. Наконецъ, заходитъ рѣчь о факультетѣ. Ученикъ безпорядочно расплывается: ему ужасно хочется быть ученымъ, онъ желалъ бы

[1]) „Что тебѣ мучиться толочь солому? Лучшее, что можешь знать, ты все-таки не смѣешь сказать твоимъ мальчикамъ?“

знать обо всемъ, что есть на землѣ и на небѣ, знать науку и природу. Хорошее дѣло, но только нужно не разбрасываться и не развлекаться: „пользуйтесь временемъ, оно быстро уходитъ; только порядокъ учитъ выигрывать время", наставляетъ Мефистофель. Поэтому его совѣтъ, взяться прежде всего за логику. Въ Collegium logium такъ выдрессируютъ мозги и такъ зашнуруютъ ихъ въ испанскія колодки, что они будутъ разсудительно шагать по дорогѣ размышленія, а не плутать, подобно блуждающему огоньку. Еще лучше, тамъ научатъ во много дней дѣлать то, что обыкновенно дѣлается сразу, какъ ѣда и питье. Правда, фабрика мысли подобна станку, гдѣ однимъ движеніемъ ноги подвигается тысяча нитей, невидимо снуютъ челноки, однимъ ударомъ закрѣпляются тысячи связей. Выступитъ философъ и докажетъ вамъ, какъ все это происходитъ: „пусть первое будетъ такъ и второе такъ, а поэтому такъ будетъ третье и четвертое, и если бы не было ни перваго, ни втораго, низачто бы не было третьяго и четвертаго". Учениками всѣхъ странъ подобныя вещи очень высоко цѣнятся, хотя это и не дѣлаетъ ихъ ткачами! Кто хочетъ узнать и описать, что-либо живое, пусть изгонитъ только изъ него живую душу, части останутся въ рукахъ, но, увы! безъ духовной связи. „Это называется въ химіи *encheiresin naturae*, но только никакъ не поймутъ въ томъ насмѣшки надъ собою!" Бѣдный ученикъ, въ головѣ котораго отъ словъ Мефистофеля зашумѣло точно отъ мельничнаго колеса, отказывается что-либо понять. Между тѣмъ Мефистофель продолжаетъ смѣяться надъ школьною премудростью. Послѣ логики, и прежде всего остальнаго, нужно заняться метафизикой. Тутъ надо стараться глубокомысленно усвоить то, что и вовсе въ человѣческомъ мозгу не можетъ умѣститься; чтобы на все, подходитъ или не подходитъ, всегда къ услугамъ было слово. Въ особенности первые полгода необходимо прилежаніе: подготовляться нужно впередъ, хорошенько штудируя параграфы, а затѣмъ „и сами отлично увидите, что онъ (лекторъ) говоритъ лишь то, что въ книгѣ; все таки прилежно записывайте, какъ будто бы самъ духъ святой вамъ диктовалъ". Теперь необходимо выбрать факуль-

тетъ. Ученикъ выражаетъ робкое сомнѣніе, что едва ли онъ годится для изученія права. О, Мефистофель не винитъ нисколько ученика, самъ хорошо зная эту науку: „законы и права вѣчно наслѣдуются, какъ болѣзни, переходя изъ рода въ родъ.... Разумъ обращается въ безсмыслицу, благодѣяніе въ мученье... къ сожалѣнію нѣтъ только рѣчи о правахъ, которыя родятся съ нами!“ Ну, а богословіе? Мефистофель и тутъ не хочетъ вводить ученика въ заблужденіе; въ этой наукѣ еще труднѣе избѣжать ложнаго пути, такъ какъ въ ней столько скрытаго яда, котораго не отличить отъ самого лѣкарства! Лучше всего и здѣсь клятвенно чтить слова учителя: „вообще держитесь за слова, тогда вы вѣрными дверями войдете въ храмъ истины“. На надоумѣніе ученика, въ словахъ должна же заключаться мысль, Мефистофель иронически развиваетъ цѣлую теорію, позволяющую обходиться одними словами: „Nur muss sich nicht allzu ängstlich quälen: denn eben, wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein“ [1]. Въ самомъ дѣлѣ, словами можно отлично спорить, создавать системы, въ слова отлично можно вѣрить, но только измѣнять въ нихъ нельзя ни іоты. Ученикъ извиняется, что безъ того ужъ задержалъ вопросами; однако, еще позволитъ себѣ одинъ. Какого мнѣнія профессоръ о медицинѣ? Три года ученія короткій срокъ... Мефистофель, какъ будто этого вопроса и ждалъ; наскучивъ сухой матеріей, и внезапно оживившись, онъ, по его словамъ, снова отлично разыгрываетъ черта: „Духъ медицины легко понять. Изучите большой и малый міръ, чтобы, въ концѣ концовъ, предоставить ихъ на волю Божью! Напрасно вы будете вокругъ искать учености: всякій усваиваетъ лишь то, что можетъ. Но настоящій человѣкъ тотъ, кто улавливаетъ моментъ... Вы довольно хорошо сложены, у васъ нѣтъ недостатка въ смѣлости, и если вы только довѣряете сами себѣ, другіе вамъ довѣрятъ. Въ особенности изучите женщинъ. Ихъ вѣчные ахи и охи на тысячу ладовъ нужно лѣчить, выходя изъ од-

---

[1] „Не нужно только очень смущаться. Ибо тамъ, гдѣ не хватаетъ понятій, какъ разъ на мѣстѣ будетъ слово“.

ного пункта. И если вы умѣете при этомъ быть почтительно молчаливы, всѣ женщины у васъ подъ шляпой. И самый вашъ титулъ доктора, долженъ внушить имъ, что ваше искусство не другимъ чета! Займитесь воздравіе тѣми пустяками, около которыхъ иной трудится много лѣтъ. Съумѣйте пульсъ пріятно надавить, обнять, съ огневымъ взглядомъ, за гибкій станъ... чтобы посмотрѣть не туго ли шнуровка..." Ученикъ въ восторгѣ: „вотъ это много лучше. Ясно, гдѣ и какъ!" восклицаетъ онъ. „Мой любезный другъ, заканчиваетъ свою нравоучительную лекцію Мефистофель, всякая теорія сѣда, но зелено златое древо жизни!" Аудіенція оканчивается традиціоннымъ изрѣченіемъ, которое Мефистофель вписываетъ въ альбомъ почтительно склонящагося ученика „Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum".

Эта сцена, которая и до сихъ поръ дышетъ своей оригинальной правдивостью и свѣжестью, невольно заставляетъ на себѣ остановиться. Мы уже упоминали, что Мефистофель смѣется надъ университетской наукой. Онъ осмѣиваетъ въ особенности тѣ ея отдѣлы, въ которыхъ и по сю пору процвѣтаетъ культъ схоластической рутины, педантическая, напыщенная игра въ слова, вмѣсто изученія понятій на основаніи опытнаго изученія самыхъ вещей, выражаемыхъ словами. Такова, напримѣръ, метафизика, которая подъ именемъ *исторіи философіи* и по сіе время прочно сидитъ на университетскихъ кафедрахъ, въ своихъ вороньихъ гнѣздахъ, совершенно не поддающихся дѣйствію метущей руки времени; таковы въ значительной еще мѣрѣ и современныя юридическія науки, въ особенности, что касается опредѣленія природы преступленій, гдѣ и въ наше время преобладаютъ метафизическіе взгляды. Его напоминаніе о правахъ, рожденныхъ съ человѣкомъ, есть намекъ на культъ естественныхъ правъ человѣка, вызванный къ жизни въ періодъ созданія Фауста главными теченіями такъ называемой эпохи просвѣщенія, о чемъ будемъ говорить ниже. Но Мефистофель не только осмѣиваетъ *содержаніе* университетской науки, онъ смѣется и надъ самымъ ея преподаваніемъ, онъ рекомендуетъ ученику *заранѣе приготовлять лекціи*, такъ какъ

легко предвидѣть, что лекторъ все равно „ничего не скажетъ такого, чего-бы не было въ книжкѣ“. Въ наше время профессора не читаютъ по книгамъ (раньше и оффиціально предписывалось, наприм., въ нашихъ университетахъ первой половины текущаго столѣтія, держаться извѣстныхъ руководствъ), но зато нерѣдко они читаютъ по тетрадкамъ, разъ навсегда составленнымъ и окаменѣлымъ на цѣлый профессорскій вѣкъ! Въ такомъ случаѣ лучше бы читать, не мудрствуя лукаво по старинной методѣ, прямо придерживаясь книги, по крайней мѣрѣ, было-бы то преимущество, что книги обновляются новыми изданіями и кромѣ того нерѣдко пишутся весьма умными и весьма свѣдущими въ своемъ дѣлѣ людьми. Но и тутъ является не маловажное затрудненіе. Лучшіе профессора и сами приходятъ къ заключенію, что какъ-бы не были хороши книга или учебникъ, тѣмъ не менѣе, уже по самой своей задачѣ сообщать, по возможности, законченныя, неоставляющія сомнѣній свѣдѣнія, они тѣмъ самымъ невольно обманываютъ своихъ адептовъ, такъ какъ въ дѣйствительности ни одна наука вполнѣ законченными свѣдѣніями не обладаетъ. Остается, слѣдовательно, преподавать университетскую науку въ формѣ живыхъ, постоянно обновляющихся новыми свѣдѣніями, бесѣдъ, наряду съ этимъ возбуждать въ слушателяхъ стремленіе къ самодѣятельности въ области изученія того или другаго предмета и къ непосредственной наблюдательности самой природы, человѣка и общества. Но вполнѣ достойно направлять столь отвѣтственный корабль университетской науки, само собою разумѣется, дано далеко не всякому профессору. Для этого нетолько въ совершенствѣ требуется знать свою спеціальность, но необходимо еще быть высоко и всесторонне образованнымъ человѣкомъ, психологомъ-педагогомъ и вообще талантливымъ лекторомъ. А такъ какъ подобныхъ профессоровъ всегда было немного, то понятны насмѣшки Мефистофеля надъ профессорами всѣхъ временъ, которые одинаково способны сказать никакъ не больше того, что стоитъ въ тетрадкѣ или книгѣ.

Насмѣшки Мефистофеля надъ медициной совсѣмъ иного рода. Здѣсь преимущественнымъ стремленіемъ слушателя

является забота, во чтобы ни стало, сдѣлаться практическимъ врачемъ. Поэтому здѣсь главное въ усвоеніи тѣхъ внѣшнихъ пріемовъ, которые больше всего импонируютъ публикѣ. Именно нужно пуще всего соблюдать эти внѣшніе пріемы, имѣть достаточно апломба и самоувѣренности, пользоваться обстоятельствами и вообще не давать маху, ловить моментъ... Это такой конекъ, на которомъ, какъ показываетъ опытъ, успѣшнѣе всего выѣзжали и выѣзжаютъ во всѣ времена врачи практики. Что же касается учености, то ее спокойно можно положить на полочку... Въ самомъ дѣлѣ развѣ публика въ состояніи была когда-либо разобрать ученость или вообще истинное достоинство врача? Вотъ почему сужденія Мефистофеля о томъ, чѣмъ врачъ преимущественно выигрываетъ у публики, и по сіе время совершенно вѣрны. Не случайны далѣе остроты Мефистофеля и на счетъ той роли, которую иной разъ играютъ женщины въ карьерѣ практическаго врача. Статное сложеніе, красивое лицо, способность изслѣдовать такъ, чтобы тонкая граница, отдѣляющая физическіе пріемы изслѣдованія, ощупываніемъ, осмотромъ и т. п. деликатно, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно ощутительно смѣщались въ сторону физическаго же возбужденія чувственности, быстро дѣлаютъ успѣхъ врачу у женщинъ алчущихъ приключеній. Это въ особенности вѣрно для тѣхъ молодыхъ женщинъ, которыхъ мужья держатъ на привязи и для которыхъ приглашеніе врача является, въ своемъ родѣ, единственнымъ выходомъ затаенной потребности осязать посторонняго мужчину. Не менѣе вѣрно это также и для тѣхъ женщинъ, уже натарѣлыхъ въ авантюрахъ, которыя не прочь были бы принести себя въ жертву... методу изслѣдованія ощупываніемъ, осмотромъ, и проч., всякому смазливому мужчинѣ но, къ сожалѣнію, необходимость соблюдать аппарансы требуетъ все-таки законныхъ основаній и вотъ всего ловчѣе предоставить это доктору! Такія женщины, являясь въ пріемные часы къ доктору, опытнымъ окомъ осматриваютъ обстановку и самымъ беззастѣнчивымъ образомъ обнюхиваютъ воздухъ, желая предварительно удостовѣриться, нѣтъ ли тутъ чего-нибудь преграждающаго по аван

тюрной части!

Итакъ, осмѣяна университетская наука, осмѣяна роль профессора, если на нее смотрѣть съ точки зрѣнія ея общественнаго значенія, осмѣяны узко-практическія стремленія студентовъ въ университетъ въ pendant къ извѣстной, позднѣе разыгравшейся сценѣ въ Ауэрбаховскомъ погребѣ, гдѣ тотъ же Мефистофель такъ неподражаемо вышутилъ филистерскіе аппетиты юныхъ сыновъ alma mater и ихъ традиціонно-пошлое времяпровожденіе по кабачкамъ, которое — увы! — съ небольшими варіантами, однако, продолжается и поднесь и не въ одной только Германіи, а почти повсюду въ Европѣ [1]. Не въ этой очевидно сферѣ должны совершаться и общественные подвиги Фауста, за которыми мы должны послѣдовать во вторую часть.

ГЛАВА III.

Но прежде, нежели перейти ко второй части, мы должны предварить читателя нѣкоторыми весьма существенными замѣчаніями, которыя считаемъ умѣстнымъ сдѣлать теперь же, въ видѣ заключенія къ разобранной нами первой части. Что бы ни говорили нѣкоторые изъ новѣйшихъ комментаторовъ, вторая часть „Фауста“ не есть истинное окончаніе „Фауста“ первой части, такъ какъ не только первоначальный планъ, но и самая идея этого первоначальнаго плана, какъ на то совершенно точно указываетъ Куно-Фишеръ, затерялась, а главное — затерялась та жизненная струя, которая вдохновляла Гёте въ его юности, когда была начата поэма-трагедія, и которая перестала его вдохновлять, вѣрнѣе же — оттолкнула или даже прямо устрашила подъ старость, когда поэма была окончена. Въ этотъ періодъ жизни автора уже не подлежало болѣе никакому сомнѣнію, что скептическая и разрушительная работа Мефистофелей, начавшаяся еще въ эпоху возрожденія, — какъ увидимъ, въ главныхъ дѣятеляхъ той эпохи были

[1]) Какъ будто для юношества не достаточно естественнаго возбужденія самой молодости, а необходимъ еще цѣлый статутъ прибавочныхъ раздражителей алкоголическаго свойства.

налицо всѣ черты типа и Фауста, и Мефистофеля,—проходящая красною нитью черезъ вѣкъ нѣмецкаго гуманизма и реформаціи,—въ самомъ Лютерѣ было нѣчто демоническое, замѣчаетъ *Теобальдъ Циглеръ* въ одномъ изъ новѣйшихъ этюдовъ о *Фаустѣ* *)),—снова возвращающаяся на романскую почву и здѣсь оканчивающаяся взрывомъ великихъ событій, не такъ невинна, какъ метафорическая игра въ стихіи, и что Фаустамъ благонадежнѣе порвать всякіе союзы съ Мефистофелями и благоразумнѣе вступить уже не въ титаническую борьбу съ дѣйствительностью, а въ болѣе спокойный и уравновѣшенный компромиссъ такъ называемый общеполезной культурной работы. Такимъ образомъ союзъ былъ нарушенъ, пари, подписанное нѣкогда кровавыми словами, не состоялось, престарѣлый, еще разъ пережившій юность Фаустъ второй синтетической части, соорудивъ свои культурныя плотины, взятъ на небо; униженный и, сказать правду, всячески оклеветанной Мефистофель, по волѣ автора и, еще болѣе, его комментаторовъ, падаетъ въ грязь... и за все остается въ отвѣтѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не оклеветаніе и не втаптываніе въ грязь, когда одинъ изъ комментаторовъ (Шаховъ)—я упомяну только о нашихъ,—легкомысленно заявляетъ, что Мефистофель нѣчто въ родѣ скептика бонвивана парижскихъ салоновъ XVIII столѣтія; другой (Кавелинъ), сдѣлавъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній по поводу извѣстной статуи Антокольскаго, сводитъ свою рѣчь на странныя, крайне изумившія въ свое время многихъ молодыхъ представителей нашего русскаго Sturm- und Drangperiod'а 70—80-хъ годовъ, разсужденія о томъ, что Мефистофель и современный духъ биржевыхъ плутней и мошенническихъ спекуляцій въ родственной связи между собою; наконецъ, третій (г. Вейнбергъ), самый, послѣдній изъ нашихъ комментаторовъ, но зато, повидимому, и самый глубокомысленный, упуская изъ рукъ живую нить представленія о Мефистофелѣ, какъ о конкретномъ типѣ, создаваемомъ общественнымъ настроеніемъ переходныхъ критическихъ эпохъ, возвращается къ метафизикѣ нѣмецкихъ комментаторовъ и путается въ опредѣленіяхъ Мефистофеля,

*) Strasburger Goethevorträge. (1899).

который будто бы есть *чувственно-эгоистическій духъ*, живущій въ каждомъ изъ насъ, такъ какъ Фаустъ и Мефистофель, по мнѣнію автора, представляютъ двѣ *ипостаси* одной души, двѣ стороны человѣческой природы, — идеальную и возвышенную, реальную и прозаическую, но онѣ существуютъ вмѣстѣ и безъ Мефистофеля былъ бы не мыслимъ Фаустъ. Да, безъ Мефистофеля былъ бы дѣйствительно не мыслимъ Фаустъ, но только совсѣмъ по другой причинѣ. Безъ Мефистофеля Фаустъ закисъ бы, заплѣсневѣлъ и покрылся пылью въ своихъ лабораторіяхъ, какъ закисли, заплѣсневѣли и покрылись пылью его приборы и препараты. Мефистофель выводитъ его на свѣжій воздухъ и зоветъ на открытый путь общечеловѣческихъ радостей и горестей, стремленій и интересовъ; онъ же уже одной своей ироніей, насмѣшкой, яркимъ выдвиганіемъ контрастовъ между возвышенными идеальными мечтаніями Фауста и его болѣе нежели матеріалистическимъ поведеніемъ на дѣлѣ, какъ бы подталкиваетъ послѣдняго въ болѣе высокій кругъ изъ болѣе низменныхъ круговъ. Неужели это не ясно до очевидности? И затѣмъ развѣ Мефистофель мѣшаетъ Фаусту стремиться и достигнуть того идеальнаго момента, когда очищенный и возвышенный Фаустъ дѣйствительно могъ бы сказать этому моменту: „остановись! ты такъ прекрасенъ!" Не вина же Мефистофеля, что Фауста въ концѣ-концовъ не удовлетворили никакія плотины и завоеванія береговой полосы у моря для насажденій культурной и свободной жизни; а что Фаустъ и теперь остался неудовлетвореннымъ, на это ясно указываетъ его послѣдній монологъ (во второй части), выраженный опять-таки не въ положительной, а въ условной, желательной формѣ: „Solch ein Gewimmel mocht' ich sehn, Auf freiem Grund mit freiem Volke stehn. Zum Augenblicke durft' ich sagen: Verweile doch, du bist so schon!" [1]) Вѣдь по самому смыслу договора, заключен-

[1]) „Только съ такой сутолкой жизни я могъ бы помириться, если бы могъ видѣть на землѣ свободной народъ свободный. Только такому мгновенію я могъ бы сказать: остановись! ты такъ прекрасенъ"... Интересно, что Фетъ, переводчикъ второй части, выбрасываетъ эту строку — „Auf freiem Grund mit freiem Volke", дескать не дѣло Фаустовъ заниматься такими вещами, как-

наго между обоими героями, Мефистофель не отрицался дѣятельно содѣйствовать Фаусту сколько угодно и въ какихъ угодно цѣляхъ, отнюдь не исключая и самыхъ идеальныхъ и возвышенныхъ!

Далѣе въ высшей степени характерно, что за немногими исключеніями мало кому изъ занимавшихся изученіемъ и комментаріями къ Фаусту приходитъ въ голову, отбросивъ кропотливыя розысканія о какомъ-то легендарномъ, очевидно, малоизвѣстномъ Фаустѣ, современникѣ Меланхтона, гуманистѣ и алхимикѣ въ типѣ Парацельса, изслѣдовать психологію тѣхъ дѣйствительныхъ Фаустовъ и Мефистофелей, которыхъ породила эпоха возрожденія и послѣдовавшія за ней переходныя критическія и вмѣстѣ созидательныя эпохи, когда не было недостатка ни въ высокихъ научныхъ, нравственно-общественныхъ идеалахъ, ни въ героической борьбѣ за эти идеалы. Въ сущности уже древность была знакома съ такими эпохами *просвѣщенія* и *скептицизма*, создававшими истинныя *трагедіи общественныхъ настроеній*, съ ихъ хаотическимъ столкновеніемъ старыхъ и новыхъ общественныхъ идеаловъ и нерѣдко съ такимъ фатальнымъ исходомъ для дѣйствующихъ лицъ, какъ смерть Сократа, трагическая судьба котораго какъ-бы повторилась въ новое время въ судьбѣ Джіордано Бруно. Это тѣмъ болѣе, что самъ Гете влагаетъ въ уста своего Фауста какъ бы напоминаніе о подобнаго рода историческихъ герояхъ въ извѣстномъ, выше нами цитированномъ, стихѣ „не многіе, кто открывалъ свое сердце и мысли толпѣ" и проч. Обыкновенно ограничиваются, кромѣ

тобованіе свободы для народовъ. Подобнаго рода пропуски очень характерны для покойнаго Фета (см. стр. 410 его перевода второй части). И вообще наши переводчики или прямо обезсмысливаютъ подлинникъ,—въ особенности во всемъ, что касается Мефистофеля, потому что далеко не стоятъ на высотѣ пониманія текста, давая подчасъ столь низменные переводы, что они ничѣмъ не лучше либретто вульгарной оперы „Фаустъ", или же дѣлаютъ умышленные пропуски въ родѣ тѣхъ, которые мы указали у Фета. Поэтому я предпочелъ вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось цитировать подлинникъ, дѣлать прозаическіе переводы. Такая замѣна прозаическимъ переводомъ имѣетъ то неоспоримое преимущество, что она, если и не сохраняетъ поэтическихъ красотъ подлинника, то, по меньшей мѣрѣ, не понижаетъ его высокихъ интеллектуальныхъ достоинствъ.

изслѣдованія легенды о докторѣ Фаустѣ, изученіемъ общественнаго настроенія и состоянія умовъ современной поэту Европы. Въ частности очень много говорится о такъ называемой литературной революціи періода бурныхъ стремленій (Sturm- und Drangperiode) специально у нѣмцевъ, что, какъ извѣстно, послужило ближайшимъ возбужденіемъ и пищей для художественнаго замысла трагедіи, и только въ формѣ общихъ мѣстъ и разсужденій ссылаются на отдаленный толчокъ, идущій изъ эпохи возрожденія. Мало помогаютъ дѣлу и полуправдивыя, полувымышленныя, автобіографическія признанія и разъясненія самого Гете (Wahrheit und Dichtung), къ тому же наполовину стертыя рукою времени въ памяти автора. Какъ интересный эпизодъ проходитъ упоминаніе объ общемъ пріятелѣ бурныхъ геніевъ дармштадтскомъ совѣтникѣ Меркѣ, который нѣкоторыми чертами своего характера служилъ моделью Мефистофеля для Гёте; однако мало интересуются узнать, почему этотъ во всякомъ случаѣ не малаго роста нѣмецкій Мефистофель все-таки окончилъ жизнь самоубійствомъ, тогда какъ Фаустъ, то-есть самъ великій Гёте, преблагополучно прожилъ до глубокой старости, вопреки всякимъ разочарованіямъ и Weltschmerz'амъ, имъ же самимъ введеннымъ въ моду (Вертеръ). Съ другой стороны, Мефистофель-Меркъ, повидимому, былъ не особенно пріятнымъ гостемъ для компаніи Фауста - Гёте. Между ними существовали поводы къ неискренности и недружелюбію, такъ какъ тотъ же Меркъ, повидимому, нѣсколько иронически и безъ соблюденія должной скромности содѣйствовалъ сближенію Гердера съ его невѣстой, что и послужило началомъ охлажденія и разрыва [1]. Въ концѣ же концовъ мы все-

---

[1]) Гердеръ былъ старше и собственно не принадлежалъ къ компаніи бурныхъ геніевъ, но и ему пришелъ случай имѣть дѣло съ Меркомъ, какъ мы читаемъ о томъ у *Гайма*. О самомъ Меркѣ мы будемъ говорить подробнѣе впослѣдствіи, а пока приведемъ здѣсь этотъ любопытный эпизодъ. Гердеръ, остановившись проѣздомъ на нѣкоторое время въ Дармштадтѣ,—рѣчь идетъ о 70-хъ годахъ XVIII столѣтія,—влюбился здѣсь въ нѣкую Каролину Флаксландъ, отвѣчавшую ему взаимностью. „Стройная бѣлокурая дѣвушка съ невысокимъ лбомъ и большими голубыми глазами понравилась ему своею бойкостью и живостью, своею заботливостью о домашнемъ хозяйствѣ, своимъ альзасскимъ

таки остаемся съ пустыми руками и не знаемъ въ точности, какого рода историческія эпохи и какого рода типы общественныхъ настроеній порождаютъ въ самой жизни типы, подобные Фаусту и Мефистофелю... Отсюда и эти метафизическія разсужденія о двухъ ипостасяхъ всякой человѣческой души, которыя еще болѣе путаютъ и затемняютъ истинныя отношенія художественнаго произведенія къ материнской почвѣ дѣйствительности, вдохновившей поэта.

акцентомъ, своей игрой на клавикордахъ и своими пѣснями", сообщаетъ намъ *Гаймъ* (*Гердеръ, его жизнь и сочиненія*). Образъ, какъ видите, напоминающій Маргариту. Однако семейная обстановка Каролины,—она жила у замужней сестры,—не давала возможности влюбленнымъ даже какъ слѣдуетъ объясниться. Между тѣмъ Гердеру, по обстоятельствамъ, приходилось уже уѣзжать изъ Дармштадта. И вотъ „лишь благодаря дружеской плутни Мерка дѣло дошло, за четверть часа до отъѣзда, до такой сцены, до которой еще ни разу не доходили двое влюбленныхъ", продолжаетъ Гаймъ,—„онъ доставилъ Гердеру въ своемъ домѣ случай сойтись съ красивой дѣвушкой безъ свидѣтелей. Тогда они повторяли другъ другу то, что чувствовали. Это была разлука, сопровождавшаяся и слезами и радостными улыбками. Гердеръ лишь съ трудомъ вырвался изъ пылкихъ объятій дѣвушки; за нимъ былъ присланъ нарочный и онъ едва посиѣлъ къ отъѣзду". Съ этого момента Меркъ естественно дѣлается другомъ, повѣреннымъ и посредникомъ въ сердечныхъ дѣлахъ Гердера и Каролины; черезъ него велась переписка, на немъ лежала обязанность утѣшать оставшуюся въ одиночествѣ дѣвушку и отписывать обо всемъ, касающемся ея, Гердеру; онъ долженъ былъ, при тогдашнихъ чопорныхъ и щекотливыхъ нравахъ, хранить строжайшую тайну. Представьте себѣ, однако, невольную иронію Мерка, человѣка проницательнаго, насмѣшливаго и скептическаго по природѣ, для ума котораго, по замѣчанію Гайма, „былъ помѣхой тотъ же умъ",—когда однажды Гердеръ написалъ ему: „сознаете ли вы, другъ мой, какъ пріятно ваше положеніе посредника между двумя сердцами, которыя только черезъ васъ обмѣниваются чувствами и оба повѣряютъ вамъ свои самыя сокровенныя желанія! *Сознаете ли вы это счастье и будете ли достойны его!*" (Курсивъ нашъ). Увы! Меркъ не оказался достойнымъ столь великаго счастья. Мало-по-малу начали получаться доказательства его нескромности, о чемъ самъ Гердеръ раззвонилъ urbi et orbi, его заподозрили въ измѣнѣ и разныхъ низкихъ продѣлкахъ и еще въ чемъ-то, на что краснорѣчиво намекаетъ Гердеръ въ слѣдующихъ строкахъ письма къ Гаманну: „Чтобъ дать ему приличное названіе, было бы мало назвать его лицемѣромъ, обманывавшимъ исподтишка, клеветникомъ, *подстрекателемъ на все дурное, но я не хочу называть его тѣмъ именемъ, какого онъ стоитъ*, и вы должны позабыть о немъ и не связываться съ нимъ. На ваше письмо, которое онъ переслалъ мнѣ, онъ не получилъ никакого отвѣта, и впредь онъ никогда не получитъ отъ меня ни одной строчки.

Между тѣмъ, если мы, отбросивъ всѣ метафизическіе комментаріи какъ излишній и затемняющій балластъ, обратимся къ изученію этой, какъ сейчасъ сказано, материнской почвы, т.-е. той исторической дѣйствительности, на которой могутъ вырастать и на самомъ дѣлѣ вырастали и будутъ вырастать Фаусты и Мефистофели, передъ нами немедленно же откроются истинные подлинники этихъ типовъ, и притомъ столь высо-

---

Онъ не только разболталъ тайны въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ я съ слѣпымъ довѣріемъ полагался на него, какъ на вѣрнаго друга, но клеветалъ на это дѣло, чернилъ его и искажалъ разными нечестными способами. Это третій человѣкъ на землѣ, котораго я желалъ бы никогда не знать,—однако это желаніе безразсудно! Этой *лисьей кошкѣ* было суждено, безъ ея вѣдома и воли, даже наперекоръ имъ, оказать мнѣ помощь въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ я вижу перстъ Божій, именно въ моей женитьбѣ. *Именно моей женѣ, а въ лицѣ ея и самому мнѣ онъ нанесъ такое оскорбленіе, котораго ничѣмъ нельзя загладить*" (курсивъ нашъ). Что это за оскорбленіе? и какимъ именемъ слѣдовало бы назвать Мерка? Объ этомъ не трудно догадаться, стоитъ только сопоставить Warheit и Dichtung, т.-е. разсказанный эпизодъ отношеній Мерка къ Гердеру и Каролинѣ съ ролью Мефистофеля въ извѣстныхъ сценахъ сближенія Фауста и Маргариты. Любопытно, что даже слова Каролины въ письмахъ къ Гердеру, что Меркъ „ко всему примѣшиваетъ что-то непріятное", невольно просятся на сопоставленіе съ извѣстными словами Маргариты Фаусту о Мефистофелѣ: „Едва покажется въ дверяхъ и ужъ такъ насмѣшливо [illegible] заглядываетъ внутрь". Очевидно, когда Гете обрисовывалъ эти сцены, то исторія сношеній Гердера и Каролины съ Меркомъ воскресла въ его творческой памяти со всею свѣжестью, и тѣмъ не менѣе, несмотря на эту грустную исторію,—письма Мерка къ Гердеру, которыя могли бы пролить на все свѣтъ, не сохранились—Мефистофель-Меркъ находитъ свое оправданіе въ слѣдующихъ справедливыхъ словахъ Гете: „*Онъ былъ въ дружбѣ со мною и [illegible] посредникомъ, но у него тоже [illegible] на которую онъ могъ бы вполнѣ положиться и [illegible] ему [illegible]. Ему какъ будто было предназначено судьбой [illegible] только для того, чтобы [illegible]* съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе оставался въ одиночествѣ среди [illegible], которые прежде любили и уважали его и которымъ онъ не разъ оказывалъ [illegible] услуги. Этому больному, [illegible] человѣку, *не [illegible] ни къ самому себѣ*, пришлось выносить тяжелыя утраты, и [illegible] дошелъ до такого раздраженія, что въ 1791 году самъ прекратилъ свою жизнь" (курсивъ нашъ). И хотя ему „не доставало [illegible] того, что благородно, не доставало [illegible] и вѣры", но его [illegible] роль, какъ одного изъ необходимыхъ героевъ въ трагедіи [illegible] настроеній того времени, не подлежитъ сомнѣнію.

кіе и интересные, что сравнительно съ ними, несмотря на всю свою рельефность и яркость, положительно блѣднѣютъ какъ слабыя копіи художественно-творческія созданія даже такого геніальнаго поэта, какъ Гёте. Тамъ же найдемъ ключъ и къ тѣмъ болѣзнямъ настроенія, которыми болѣютъ Фаусты. Прочтите у Фойгта, напр., признанія Петрарки о гложущей его міровой скорби (acedia, какъ ее тогда называли) вслѣдствіе того, что душа его распадается на двѣ части, ведущія борьбу между собою—и вы поразитесь, что даже способъ выраженія тотъ же самый, какъ у Гётевскаго Фауста; съ другой стороны, прочтите его нападки на богословіе, схоластику, медицину, юриспруденцію (желаніе, чтобы господствовало не искаженное людскою безсовѣстностью, а *человѣческое право*)— и вы не менѣе поразитесь сходствомъ этихъ нападокъ съ Мефистофелевскимъ осмѣяніемъ въ извѣстной сценѣ съ ученикомъ... Вся разница лишь въ томъ, что въ Петраркѣ оба направленія, Фаустовское и Мефистофелевское, еще не разошлись, не отдеференцировались въ два разныхъ, отчасти противоположныхъ, отчасти дополняющихъ другъ друга, типа, какъ это можемъ наблюдать въ позднѣйшія эпохи; съ другой стороны, то раздвоеніе души, о которомъ онъ говоритъ, дѣйствительно сходно съ извѣстнымъ Фаустовскимъ раздвоеніемъ; но, по счастію, у Петрарки нѣтъ комментаторовъ, которые низменную, животную часть его души валили бы на злого духа Мефистофеля, напротивъ, ни одинъ комментаторъ не въ состояніи отрицать, что Мефистофелевское начало въ душѣ Петрарки, т.-е. сомнѣніе, критика и проч., столь же почтенно и возвышенно, какъ и Фаустовское начало его души, жажда знанія и проч.—А это большая разница связывать Мефистофелевское начало съ потребностью сомнѣнія, критики, или же съ тѣми животными влеченіями нашей натуры, заставляющими насъ двоиться, которыя существуютъ сами по себѣ въ силу нашего животнаго происхожденія и недостатковъ культуры, не имѣя никакого отношенія къ Мефистофелю. Къ сожалѣнію, именно такимъ смѣшеніемъ грѣшатъ комментаторы, съ упорствомъ повторяя мнѣнія, которыя, если разобрать, мало чѣмъ отличаются отъ блаженной памяти средневѣковыхъ сужденій,

сваливающихъ духъ сомнѣнія въ человѣкѣ на бѣсовское наважденіе!..

Мы откладываемъ эту часть нашего изслѣдованія до другого очерка. А пока позвольте закончить однимъ художественнымъ образомъ Мефистофеля, только воспроизведеннымъ, хотя и подъ вліяніемъ поэзіи, но не въ самой поэзіи, а въ скульптурѣ.

Передъ нами статуя Антокольскаго *Мефистофель*. Вы помните, онъ сидитъ на скалѣ, подогнувъ одно колѣно подъ подбородокъ и оперши самый подбородокъ на кисти рукъ, крестообразно сложенныя на колѣнѣ. Нога, остающаяся свободною, въ свою очередь крестообразно огибаетъ колѣномъ тылъ несвободной ноги и, какъ плеть, свѣшивается внизъ. Обнаженная, какъ скелетъ исхудавшая фигура. Исхудалый остроконечный оваль лица; высокое и выпуклое интеллигентное чело; глубокій, пристальный взглядъ, обращенный куда-то вдаль и какъ бы поверхъ толпы, плотно сжатыя губы, при чемъ нижняя губа какъ бы презрительно выпячена наружу; твердо и характерно очерченый остроконечный носъ и слегка заостренныя книзу уши, какъ у сатира, неизбѣжная дань традиціонной баснѣ... Взглядываясь въ эту оригинальную фигуру и стараясь уловить смыслъ ея выраженія, вы невольно готовы прежде всего признать, какъ безконечно одинокъ этотъ загадочный Мефистофель. О чемъ онъ думаетъ и зачѣмъ такъ глубо уединился? Сидитъ ли онъ на пустынномъ, скалистомъ берегу моря и высматриваетъ корабль, какъ Пушкинскій Мефистофель, чтобы мгновеннымъ дуновеніемъ злой воли потопить его? Но нѣтъ! вы уже знаете, все это лишь одни метафоры и сказки, самъ онъ уже пояснилъ вамъ истинное значеніе такихъ метафоръ: „въ концѣ-концовъ спокойно море и земля!“ Не гложетъ ли, напротивъ, его холоднаго сердца какая-либо житейская забота, презрительная дума о горькой и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшной и глупой судьбѣ человѣчества? Дѣйствительно, въ углахъ сдвинутыхъ бровей, и глазъ, скошенныхъ внутрь и вверхъ и какъ бы скрещивающихся на одной отвлеченной точкѣ, чувствуются не одни отвлеченіе и серіозность, а какъ бы нѣкоторый переходъ къ

скорбной задумчивости; зато на губахъ несомнѣнное презрѣніе... Итакъ, серіозность, граничащая съ скорбью, и скорбь, переходящая въ презрѣніе: вотъ какія чувства выражены на лицѣ Мефистофеля. Не упрекъ ли это человѣчеству, ничтожному, вѣчно несущему на себѣ свои собственныя оковы, неспособному освободиться отъ ига зла, слѣпо, неудержимо устремляющемуся только къ позорному себялюбію и грѣху?.. Вы закрываете глаза, сами скорбно задумываетесь, и вамъ невольно слышатся слова Мефистофеля:

„Мнѣ нечего сказать о солнцѣ и мірахъ, я вижу только, какъ мучаются люди".

И какъ бы въ отвѣтъ на нихъ слова Фауста:

„Я желалъ бы видѣть народъ свободный на землѣ свободной".

Что же такое „трагедія общественныхъ настроеній", какъ драматическая форма? спроситъ, можетъ быть, уже теперь иной читатель, интересующійся теоритическими вопросами искусства.

Обыкновенно подъ трагедій мы разумѣемъ, держась руководящей нити, данной еще Аристотелемъ,—творческо-подражательное воспроизведеніе тѣхъ серьезныхъ и важныхъ сторонъ человѣческой жизни, которыя такъ или иначе разрѣшаются *дѣйствіемъ*, при чемъ послѣднее нерѣдко ведетъ къ гибели человѣческой личности, вызывая въ зрителяхъ сострадание и ужасъ, такъ какъ для человѣка ничто не можетъ быть ужаснѣе гибели *самого же* человѣка. Но если такъ, то психологическій центръ тяжести трагедіи, очевидно, лежитъ въ томъ, *каковы мотивы* того дѣйствія, которое приводитъ къ гибели человѣческую личность. Изученіе какъ древней, такъ и новой трагедіи показываетъ, что мотивы эти всегда нравственнаго характера: тамъ гдѣ нѣтъ столкновенія и борьбы нравственныхъ мотивовъ, тамъ нѣтъ и трагедіи. По мѣрѣ общественной эволюціи мотивы эти все болѣе и болѣе осложняются и запутываются, такъ что древніе не безъ основанія прибѣгали къ *deus ex machina*, чтобы положить конецъ траги-

ческому столкновенію. Но такая развязка не можетъ удовлетворить зрителя новаго времени, какъ не удовлетворяла она передовую часть общества и въ самой древности. Пусть развязка будетъ печальной, но она непремѣнно должна быть логической. Этому содѣйствуетъ и самый подъемъ мотивовъ въ общественную сферу. Старый кодексъ общественной морали приходитъ въ хаотическое столкновеніе съ новыми идеями и отъ столкновенія, *переходя въ борьбу и дѣйствіе*, производитъ расколъ въ умахъ и чувствахъ, на почвѣ котораго и создается то, что мы называемъ *трагедіей общественныхъ настроеній*, какъ въ жизни, такъ и въ созданіяхъ искусства. Личности и идеалы гибнутъ, но гибнутъ уже не по своей, а по общественной „трагической винѣ".

ТОГО ЖЕ АВТОРА

печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени:

Ученіе о личности, вып. 2-й и 3-й.

Очерки по психологіи музыки. Душа музыкальныхъ инструментовъ.

Цѣна 50 коп.